

АТОМНЫЙ ГОРОД

Кирилл Юрченко

ПЕРВАЧ

НЕ СТАЛКЕР – ПЕРВАЧ. ТОТ, КТО ИДЕТ ПЕРВЫМ,
КОГДА ДРУГИХ СТРАШИТ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

«КРЫЛОВ»

Кирилл Юрченко

Первач

«Автор»

2011

Юрченко К.

Первач / К. Юрченко — «Автор», 2011

Все началось, когда в охваченной террором и погрязшей в национальном вопросе России начался хаос. Властная элита не пожелала, чтобы огромный кусок за Уралом достался иноземным экспедиционным корпусам. И она решила: «Так не доставайся же ты никому!» Все, что требовалось – нажать кнопку. Тысячи квадратных километров обильно распахали и удобрили ядерными зарядами, не пощадив города и поселки. Небольшими группами уцелевшие обустривались на клочках земли, в меньшей степени тронутых разрушениями и радиацией. Кто не принимал условия Великого передела, обрекал себя на смерть – падение в смуту и хаос произошло молниеносно.....Этот рейс по сибирским рекам стал для Тихона Злотникова последним. Сам виноват – не надо было в тайне от капитана корабля промышлять контрабандой. Нравы простые: попался – выбрасывают за борт. Так Тихон оказался на территории нового Вавилона (именно в него и превратилась Сибирь – многоязыкий анклав, где небольшими группами обитают и коренные сибиряки, и выжившие иноземцы и где практически не действует цивилизованное право). Тихону придется выживать, вживаться в новую жизнь, сходитьсь с новыми людьми... и не только с людьми. Он узнает, что первач – это человек со сверхспособностями. И однажды услышит, как и его самого назовут этим словом. Судьба упрямо ведет Тихона к Полосе, к самому страшному месту на Земле. Месту, откуда люди не возвращаются. И судьбу не обманешь...

© Юрченко К., 2011

© Автор, 2011

Содержание

1. Контрабандист	7
2. Крадущийся демон	14
3. Город мертвых	20
4. Ночные разговоры	28
5. Безумие ночи	36
6. Скрип колеса	45
7. Предчувствие силы	52
8. Белая стихия	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кирилл Юрченко

Первач

ПЕРВАЧ, -а, м. (устар. и обл.). Продукт лучшего качества, полученный первым при перегонке, размоле, обработке.
Словарь Ожегова.

«...в Братской Резервации запрещается распространение, эксплуатация, а равно производство компонентов, систем и продуктов промышленности, не прошедших одобрение специальной комиссии Бюро и допускающих их использование для укрепления научно-технического потенциала на территориях, не подконтрольных Федерации...»

9-я поправка к Уставу

о Сибирской Федерации.

Бюро по эксплуатации недр (БЭН).

Хельсинки – Вашингтон —

Мумбаи – Киев – Пекин.

XII чрезвычайный съезд БЭН, 2041 г.

Рисунок на обложке студии «VitalyArt»

1. Контрабандист

Разорвалось единственное звено, которое связывало Тихона Злотникова с прошлой, вполне уютной и сытой жизнью.

Нешадно побитая ржавчиной и равнодушная к переживаниям бывшего члена команды, старая посудина «Берта» под оглушительный рев двигателей наконец отвалила от причала. Это было последнее гражданское судно, завершавшее вояж по Братской Резервации перед введением эмбарго. Несмотря на яркие бортовые фонари, ночной туман быстро поглотил уставшую и потасканную бесчисленными грузами, но все еще быстроходную старушку. Последним в тумане растворился сигнальный маячок на клотике.

Вспомнив, как постоянно маялся капитан от несварения желудка, Тихон мстительно пожелал, чтобы старику Мао сегодня выпала беспокойная ночь да пришлось бы побегать между рубкой и общим галюном. После той заварушки, что устроил Тихон перед изгнанием, отхожее место в каюте капитана еще долго не заработает. Но, разумеется, только по этой причине корабельного сантехника никто не выбросил бы за борт, оставляя на растерзание местным головорезам. Наделе все вышло гораздо хуже, и причина отставки заключалась в том, что он, Тихон: во-первых, отъявленный негодяй и бунтовщик; а во-вторых, партизанский шпион и контрабандист. А ведь всего лишь хотел, как это не раз бывало, провезти втихаря несколько десятков граммов кристаллических матриц. Партизаны обожают высокие технологии.

Да, контрабанда. Да, опаска. Но, благодаря занимаемой должности, плевое дело – сыпlesh товар в презерватив, побольше воздуха в него, завязываешь и аккуратно вмуровываешь в поплавки смывного бачка. Спокойно доплываешь до столицы Резервации, благословенного города Братска, меняешь поплавки на штатный и передаешь товар доверенному человеку. К тому же прибыльное дело – за два-три рейса выходит столько бобов, словно пахал три года где-нибудь на шахтах.

Угрызений совести из-за того, что нарушает закон, Тихон не испытывал. Такова жизнь. В Бюро не жалеют денег на оплату наймитов, чтобы те не давали партизанам возможности продохнуть, а сами качают нефть безостановочно, добывают презренный металл, уголь и всякое прочее дерьмо. Партизаны делают все, лишь бы только доставить как можно больше беспокойства федералам. А так как среди наймитов неизбежно находятся те, кто, работая на БЭН, готовы кормиться и от партизан, сотни маленьких ручейков, благодаря коррупции, разрастаются в широкую реку под названием Незаконный Оборот, где дружным потоком плывут не столько наркотики и прочая гадость, сколько разные продукты и товары, запрещенные Девятой поправкой, с которой знакомы все, но самые отчаянные плевали на нее с высокой телебашни. Можно, конечно, стоять на берегу и, даваясь слюной от зависти, смотреть, как правильные люди ловят рыбу в мутной воде и сколачивают состояния. А можно и ступить аккуратно с краешка – так, чтобы ноги не очень замочить и в то же время не захлебнуться ненароком, если волна пойдет...

* * *

...Неприятности начались с того, что человек в Братске опоздал на встречу и заставил Тихона крепко понервничать.

Сидя в насквозь прокуренном баре и медленно потягивая пиво, Злотников раза три сверял наручные часы с часами, висевшими над барной стойкой. Из-за плохого зрения приходилось надевать очки, что было не совсем удобно. Не любят здесь очкарики. Если в очках, значит, умник. Если умник, то «сука, такие, как ты, виноваты в том, что творится вокруг...».

От слов недалеко и до мордобоя. Это он знал на собственном опыте. А стеклышки свои берег почище всякой контрабанды. Потертая хромированная оправа, обернутая батистовым платком, лежала в кожаном футляре, обе лямки которого перекинуты через шею – так удобней поместить бесценный груз под мышкой. С платком были связаны приятные воспоминания: Тихон тиснул его на память об одной пассажирке, с которой однажды схлестнула судьба. Поначалу жужжавшая о своем далеком муже и о том, что ждет не дождется конца поездки, дамочка на деле оказалась такой страстной и ненасытной, что затрапезный закуток ничуть не смутил ее. Очки же Тихон выменял у барахольщика в Омске. Старая оправа тогда как раз требовала замены (и сейчас лежит на дне вещмешка в ожидании хорошего оптика – слишком шикарно разбрасываться такими вещами в нынешнее время). Новые очки подошли почти идеально, хоть и достались недешево – за три ящика консервов. И надевал он их только по крайней необходимости...

* * *

Человека все не было.

Первое время Тихон отгонял дурные мысли, рассуждая о странной иронии судьбы: надеялся Братск пафосным именем, едва ли его основатели полагали, что когда-нибудь этот город станет братской могилой для сотен тысяч людей. Одна их часть – добровольцы, отправившиеся защищать от чужаков столь ценные сибирские недра. Захватчики и прихвостни иноземцев – другая. Прикрываясь международным правом, захотели поделить Сибирь. В конечном итоге получили, правда, совсем не то, за что боролись. Третья – ни в чем не повинное местное население, и, что вполне понятно, самая многочисленная и наиболее пострадавшая.

Все началось, когда в охваченной террором и погрязшей в национальном вопросе России начался хаос, и новое правительство не могло более контролировать территории за Уралом. А чтобы огромный кусок не достался иноземным экспедиционным корпусам, среди властной элиты нашелся храбрец-удалец или, вернее, целая шайка таковых, рассуждавших подобно легендарному Стеньке Разину: «Так не доставайся же ты никому!» Все, что требовалось – нажать кнопку.

Это была странная война, которую и войной-то не назовешь. Крохотные, словно песчинки на огромном пространстве, лагеря иноземцев и добровольцев-патриотов, так и не успевших встретиться для открытых боев, за один миг превратились в могильники. Любые перемещения выслеживали из космоса сотни электронных глаз, предоставляя данные для точной бомбардировки, не давая возможности скрыться. Тысячи квадратных километров обильно распахали и удобрили ядерными зарядами, не пощадив города и поселки.

Небольшими группами уцелевшие обустривались на клочках земли, в меньшей степени тронутых разрушениями и радиацией. Кто не принимал условия Великого передела, обрекал себя на смерть: падение в смуту и хаос произошло молниеносно. Сибирь превратилась в новый Вавилон – многоязыкий анклав, где небольшими группами обитали и коренные сибиряки, и выжившие иноземцы, и где практически не действовало цивилизованное право.

Не всем, прошедшим сквозь ядерное горнило, довелось увидеть первую весну. Тем, кто остался, пришлось выживать в аду. Это позже людей спасли великие сибирские реки – Ангара, Енисей. Их илистые поймы, десятилетия находившиеся в оковах гидростанций, после разрушения плотин вдохнули, наконец, воздуха и, спустя срок, благодатная почва дала жизнь лугам и пахотным землям. А в первые годы мор и голод царствовали там, где когда-то кипела жизнь.

Когда радиация пошла на убыль, пришлось решать, что делать с гигантскими просторами. Пока Россия зализывала раны Новой Гражданской, самые ушлые государства наспех состряпали Сибирскую Федерацию, разбив территорию на несколько Резерваций под эгидой Бюро эксплуатации недр (БЭН). Про выживший народ, который чинушные твари записали

в бесправных поселенцев, никто не думал. И если кто надеялся на улучшение условий, то, вопреки их ожиданиям, мировые корпорации оказались не слишком чуткими к проблемам сибирских нью-индиан. Их больше интересовали месторождения – бывшие и вновь открываемые. Естественно, требовались волонтеры – большинство таковых находилось из числа поселенцев. На том и заканчивалось участие мирового капитала в жизни Резерваций. Когда-то на БЭН потрудились и Тихон, еще до того, как попал на старушку «Берту».

Новые поселения возводили неподалеку от зачумленных развалин, а подчас и прямо среди них. Не стал исключением и Братск – третье по счету городище под одним и тем же названием на том же самом месте. Люди перекочевали на дно бывшего водохранилища, где когда-то, лет сто тому назад располагался Братск эпохи первоначального освоения Сибири. В двадцатом веке его безжалостно затопили при строительстве очередной гидростанции, и теперь тот город, давший название месту, хоронился под толстым слоем ила. Возникший сверху новый Братск, третий по счету, обрел звание столицы Резервации. Здесь можно было сносно жить, но тоже без особой надежды на лучшее будущее. Для нормального существования требовался хоть какой-то порядок, но его не было. В этом власти обвиняли партизан-повстанцев, рушивших планы Бюро на восстановление контроля над Братской Резервацией и Федерацией в целом.

В Сибири предки Тихона обитали с незапамятных времен. Согласно семейным преданиям, первый Злотников, рожденный на этой земле, был сыном тунгуски и казацкого сотника из отряда знаменитого воеводы Перфильева. Генетическая память об этом смешении кровей нередко прорывалась в ком-либо из потомков, как это случилось у Тихона, – характерно развитыми скулами, густыми черными и немного вьющимися волосами.

По недоброй воле судьбы он стал первым, кто нарушил негласное правило Злотниковых жить только в Сибири. За год до всеобщей катастрофы покинул родной Иркутск и перебрался в европейскую часть. Причиной отъезда стала трагедия, лишившая его самых близких людей. Он не давал себе повода вспоминать то, о чем тяжело и сейчас даже мельком подумать. Так что в скитальца и одиночку Тихон Злотников, сорока трех лет от роду, превратился еще в благополучное время.

Впрочем, у кого их сейчас не было, трагедий? Радовало лишь одно: в отличие от большинства местных обитателей, переживших весь этот ужас на собственной шкуре, своих родных он потерял до катастрофы и потому, наверное, проще переживал трудности настоящего времени, чем многие из тех, кого он знал.

* * *

...Кто-то прошел мимо и задел плечом. Тихон взметнул брови, резко обернулся, но, услышав извинения, сразу остыл. Толчок заставил очнуться от раздумий и осмотреться. Ему почему-то стало не по себе. Впервые за долгое время он испугался чего-то, каких-то движений в душе, разбуженных воспоминаниями. Он вдруг подумал, что в столь многолюдном месте запросто могут находиться ищейки Бюро. Стоит сейчас подняться, чтобы выйти из бара, как со всех сторон кинутся подлые наймиты, желая скрутить, разоблачить, не допустить...

Казалось, что каждый взгляд, каждое лицо, выпадавшее из круга резкости зрения, повернуто в его сторону. Хотел снова полезть за очками, но почему-то теперь особенно боялся привлечь к себе внимание лишними движениями.

С того момента, как он оказался здесь, прошло полчаса. И он не мог заставить себя сойти с места. А когда все же решился отчалить и двинулся на выход, откуда-то сбоку надвинулась плечистая фигура. Тихон было подумал, что это и есть ожидаемый финал контрабандиста, но незнакомец оказался тем самым человеком, которого он ждал. Человек скосил взгляд в сторону туалета и первым шагнул туда. Тихон вошел следом.

– Что за шутки? Ты все время был здесь?!

– Мне надо было убедиться, что ты не наследил, – парировал коллега по бизнесу.

– Убедился? А если я впаяю процент за истрепанные нервы?

– Боюсь расстроить тебя...

И он сказал такое, что в первый момент Тихон потерял дар речи.

– Сворачиваешь дело? То есть как?!

– Спрос упал, – сказал человек. – Сегодня возьму только четверть от заказанного, и то лишь из уважения к тебе. Попробую пристроить товар по другим каналам, если получится.

– Но, может, тебе нужны не матрицы, а что-нибудь еще?..

Человек, настоящего имени которого Злотников не знал, да и никогда не узнает, качнул головой.

– Похоже, наш бизнес накрывается, приятель... Покупатели отказались от всех договоренностей. Им больше не нужен товар. Ни мой, ни чей-либо другой.

– Как «не нужен»? Но ведь из матриц можно сделать что угодно. Рации, фонарики, часы... Да все что хочешь!

– Видимо, ничего им этого больше не нужно.

– А оружие? Я слышал, за последнее время федералы потеряли много живой силы. Значит, будут карательные меры. Будет спрос на оружие...

Про оружие зря упомянул. Даже имея возможность, Злотников никогда не занялся бы грязным бизнесом. Но он должен был хоть что-то предложить. Таковы правила бизнеса.

Человек мотнул головой.

– Это от меня не зависит.

– Партизаны не хотят больше иметь дела с тобой?

– Не только со мной. По другим каналам та же самая история.

– Но почему?

Человек сделал задумчивое лицо.

– Знаешь, сдается, в этом замешаны скитники.

– Кто такие? – Тихон не имел представления, о ком идет речь.

– Ты разве не знаешь? – Собеседник, казалось был удивлен его неведением. – Скитники – это люди, которые приходят из Полосы. В последнее время здесь о них только и говорят...

Может, этим он думал произвести впечатление, но о Полосе Злотников тоже имел весьма скудные познания. Можно было расспросить, но посчитал ненужным. А человек не стал вдаваться в подробности.

– В общем, не знаю, что они там себе думают, но наш с тобой товар партизанам больше не нужен. Никакой не нужен. Даже оружие... – сказал человек и ушел, забрав лишь малую часть того, на что рассчитывал Тихон Злотников, специалист по «импорту-экспорту», незадачливый контрабандист.

Что делать с оставшимися матрицами, он не имел понятия. Не отдавать же первому встречному. Есть знакомые в Братске, но едва ли кто из них сумеет найти сбыт. Пришлось нести обратно на судно. Это была, как позже понял Тихон, серьезная ошибка. Следовало припрятать товар где-нибудь в тайном месте, чтобы воспользоваться им в следующий приезд (может, к тому времени появится другой канал). Однако то ли жадность обуяла, то ли страх, что товар попадет не в те руки. То ли неведомый раскладчик судьбы вытащил из колоды пиковый туз...

* * *

Вскоре после того, как Тихон вернулся на судно, случилась вторая неприятность. Откуда ни возьмись, нагрянула бригада «бэнов». Федералы в последние месяцы из шкуры вон лезли, чтобы не терять хотя бы номинальный контроль над южными территориями. Вооруженные

до зубов инспекционные шайки рыскали повсюду, усердствовали и злобствовали. На «Берте» устроили шмон. Искали оружие и прочий незаконный товар.

Спасаясь от досмотра, Тихон не нашел ничего лучше, как под шумок успеть спрятаться в личном сортире капитана Мао, где, по обыкновению, только в чреве унитаза можно было пристроить товар. Вроде обошлось. Удача была, как считал Тихон, на его стороне: товар на месте и, если повезет, он может сам найти канал сбыта.

Когда незваные гости отчалили, «Берта» покинула Братск и по Оке, притоку Ангары, двинулась на юг. Идти пришлось по мелководью, но в лучшие свои годы «Берта» числилась в рядах северного российского флота в качестве десантного корабля на воздушной подушке, и сегодня это технологическое преимущество позволяло ей проходить даже пороги. Когда БЭН прибирала Сибирь к рукам, корабль достался в качестве трофея германской группе военного альянса и превратился в каботажную посудину. А данное немцами новое название – «Берта» – закрепилось за судном и осталось даже после того, как оно побывало в нескольких руках...

Конечным пунктом назначения считался город с суровым названием Зима. Южнее лежали территории, наиболее сильно пострадавшие от войны, когда-то средоточие ветхозаветной сибирской торговли и промышленности. Разрушенные города Черемхово, Усолье-Сибирское, Ангарск, а за ними – родной для Тихона Иркутск. Родной и недоступный. Практически стертый с лица земли и находившийся в Полосе, вот уже несколько лет объявленной карантинной зоной, той самой Полосе, о которой упоминал человек в Братске. Зачумленное место, где могут жить только такие безмозглые идиоты, как эти самые скитники. Надо же, сумели отговорить партизан от покупки матриц... Козлы!..

Полоса... Иркутск... Воспоминания кольнули Тихона.

Но даже пожелай он туда попасть – что найдет он там, кроме развалин? Впрочем, Тихон и не желал. Наложил на прошлое табу и старался не вспоминать о том, что когда-то был не одинок.

«Я вполне счастлив... Вполне...» – думал он и сейчас, отгоняя бывшее.

* * *

В Зиме оказалось, что грузовые отсеки, так удивлявшие команду своей пустотой, предназначались для людей: капитан Мао решил подзаработать на беженцах. Слух о подходе большого судна распространился по округе незадолго до прибытия, и огромная толпа, в основном федеральных подданных, собралась у причала, с надеждой ожидая эвакуации. Панические настроения объяснялись неверием в то, что вслед за эмбарго не последует крупномасштабная война с партизанами. Кроме того, боялись террористических вылазок партизан, в последнее время участвовавших. Но беженцев оказалось чересчур много даже для жадного капитана. Как ни крути, а «Берта» все ж не резиновая. А чтобы не дать повода к бунту тем, кто остается, Мао пришлось клятвенно заверить остальных, что на подходе особый конвой спасателей.

Врать Мао умел как надо. Слыша его актерствующий голос, доносящийся из громкоговорителей, Тихон бросился в капитанскую каюту. Вместо того, чтобы обождать некоторое время, а позже очистить тайник и перепрятать, он совершил последнюю, фатальную ошибку. Не знал, что Мао, прежде чем отважиться на такую явную ложь, долго экспериментировал, выбирая точные слова и правильную тональность, и теперь его речь разносилась над причалом в записи.

Спешка, с какой Тихон извлекал поплавок, не привела к добру. Дрожащие руки раздали пластик, и кристаллы рассыпались, как крупа. Хорошо, не в «очко», а на кафель. Пальцы забегали по полу, собирая ускользающие матрицы. Он не слышал, как в каюту зашел капитан, постоянно страдавший от несварения желудка.

– Ах, ты, шушваль! Что ты здесь делаешь?! – заорал Мао. – По-твоему, я вместо тебя должен таскаться в матросий гальюн?!

Несмотря на возраст, хватка у капитана была крепка – он так дернул Тихона за волосы, аж слезы брызнули из глаз. Поначалу Злотников растерялся, и старику без труда удалось вытащить его в коридор. Войдя в раж, Мао позабыл о том, что маялся животом.

Даже сейчас у Тихона оставался последний шанс, ведь Мао еще ничего не понял. Но Тихон снова сглупил, как будто кто-то шилом тыкал его в одно место. Вместо того, чтобы отдаться во власть начальства, он оказал сопротивление. Вырываясь, оттолкнул капитана, и тот влетел в собственный нужник подобно торпедой, сорвав дверь с петель. А уж та как следует брякнулась об унитаз, разбив его на куски. Неизвестно, от чего больше Мао пришел в огорчение: от жалости к потере столь драгоценного предмета или от боли в спине. Но на дикие крики его прибежали двое вахтенных. Первого Тихон ударил ногами, вцепившись в трубу под потолком, как на турнике. Видя такой оборот дела, второй матрос бросился назад, за подмогой. Тихон догнал его у лестницы, но не прекращавшийся вой Мао привлек остальных. Как мячи, они посыпались сверху и скрутили бунтовщика.

Мао, побагровев лицом, яростно дыша и хватаясь за грудь, отдал приказ швырнуть неудачника за борт. До последней минуты Тихон Злотников полагал, что эта ярость и гнев лишь для видимости. Суровость наказания могла объясняться законами чрезвычайного положения, но ведь «Берта» не считалась военным кораблем, и выходка капитана тянула на самоуправство: никто, кроме представителя компании-перевозчика, не мог исключить члена команды, особенно если тот подлежал суду за контрабанду и бунт. К несчастью для Тихона, защитников на борту не оказалось.

Даже когда его, скрутив по рукам и ногам, тащили по нижней палубе, слабо освещенной огнями, он верил, что все это пусть и затянувшаяся, и жестокая, но шутка. Едва очутились перед сходнями, надеялся, что капитан отдаст приказ поставить его на ноги. И только когда куртка, брошенная кем-то из матросов, улетела за борт, Тихон понял, наконец, что милости не будет. Кто-то бросил ему вещмешок. И прежде, чем Тихона скинули, он успел вцепиться в узел и обхватил крепко, чтобы не потерять последнее, что осталось.

На миг стало страшно, что разобьется. Крик его разлетелся над толпой беженцев, осаждавших «Берту». В следующую секунду с высоты трех метров он упал прямо на чужие головы, под ругань тех, кто принял удар на себя и незлобный смех остальных, находившихся по соседству. Не все поняли, что произошло: задние ряды восприняли крики и шум как сигнал к тому, что их все-таки примут на борт, и стали напирать.

Так что Тихон рано обрадовался благополучному приземлению. Чужие руки не торопились помочь встать, и его обязательно растоптали бы, но в этот момент завывала турбина, запускающая двигатели «Берты». Рев моторов, бешеные потоки воздуха и водяной пыли заставили толпу на причале отхлынуть назад, и теперь один Тихон оставался в непосредственной близости к судну. Вскочив на ноги, шатаясь под ударами исторгаемых «Бертой» воздушных волн, близоруко шурясь, он искал капитана среди людей на палубе. На миг показалось, что их там целая толпа, этих Мао. И все прощально машут руками.

Будучи там, на палубе, Тихон мог бы еще поторговаться за право остаться на борту и назначить откуп, который заинтересовал бы старика, ведь Мао никогда своего не упустит. Но что толку сейчас, когда судно уже на ходу. И орать бесполезно, не услышат.

«Берта» лениво отползла от причала и начала ускоряться, постепенно исчезая во мгле.

Сквозь рев двигателей раздался прощальный и резкий, как издевка, гудок.

– Захлебнешься в дерьме без меня! – с ненавистью выкрикнул Тихон и плюнул в равнодушную к его беде воду.

Так разорвалось единственное звено, связывавшее Тихона Злотникова с прошлой, вполне уютной и сытой жизнью...

* * *

Он повернулся, окинул стоявшую на причале толпу подслеповатым взглядом. Тихон не видел лиц и не знал, чего больше в их взглядах – сочувствия или мстительного ехидства.

«Чего уставились?!» – хотел крикнуть он и только сейчас понял, что безмолвно застывшие беженцы прислушиваются к гулу моторов «Берты».

Надежда умирает последней. Глупцы...

Сказать им, что никакой эвакуации не будет? Так ведь растерзают...

Испугавшись того, что его мысли каким-нибудь образом станут известны этим людям, и тогда ему точно не поздоровится, Тихон схватил куртку, перекинул вещмешок через плечо и, просочившись сквозь толпу, быстро зашагал прочь.

Внутренний голос подсказывал, что небезопасно оставаться возле причала, где полно растерянных и незащищенных беженцев с лакомой кучей всякого добра. Глаза быстро привыкли к ночи. Выйдя на разбитую асфальтовую дорогу, Тихон спустился с обочины и пошел вдоль оврага. Он оказался прав: несколько групп, наверняка мародеров, слышно бряцавших оружием, попались навстречу, все они торопились.

2. Крадущийся демон

Наткнувшись на развалины какого-то здания, Тихон заполз внутрь и, подобно крысе, забился в черный ледяной угол. Некоторое время слышал крики, автоматные очереди, перестрелка то прекращалась, то возобновлялась. Вскоре все стихло. Чувствуя накачивающую усталость, насквозь продрогнув, он решил иного места не искать. Бросил на землю куртку. А сверху от коварного холода осенней ночи защитила найденная рваная кошма, густо провонявшая дымом. Ею Злотников укрылся, надеясь, что паразиты, какие могли жить в складках, давно передохли.

Развалины будто кишели призраками. Всю ночь Тихону мерещились голоса. Он несколько раз просыпался, вслушивался и убеждался, что на самом деле никого рядом нет. Ведь не было ветра, ничто не скрипело. Возможно, то были слуховые галлюцинации, возникающие на грани сна, а минутное пробуждение спасало от них, впрочем, ненадолго. Тихон засыпал снова, но голоса проявляли настойчивость. Что-то бубнили, напевали. Казалось, заговорили они нормальным языком, и можно будет понять, чего же хотят. Но желание Тихона оставалось без внимания. Какофония звуков, рождавшихся в его голове, не поддавалась расшифровке.

В промежутках между кошмарами ему снилось, что он у себя дома, в Иркутске. И что город, которого нет, – жив. И живы те, кого он так любил...

В очередной раз оказавшись на грани сна и яви, Тихон вспомнил, что на самом деле он в Зиме, лежит в сырых развалинах. Одиноким, никому не нужный человек. А ведь только что казалось, что этого мира не существует. И так хотелось вернуться. Но в сон, как и в реку, нельзя войти дважды.

«Отсюда до Полосы, а там и до Иркутска, рукой подать», – подумалось вдруг.

Пойти туда, а там будь что будет. Хотя бы и сдохнуть...

Почему бы и нет? Эта странная мысль, нелогичная для человека, который еще вчера был озабочен выживанием, несколько успокоила его, и он опять уснул.

* * *

Утром Тихона разбудил яркий свет, льющийся через разлом в стене. Но и после пробуждения он еще какое-то время лежал с закрытыми глазами, подставив лицо солнцу. Холод отступил, а с ним и ночная безнадега. Несмотря на беспокойную ночь, он сумел выспаться. Тихон потянулся, чтобы размять затекшие мышцы, запрокинул голову и от души зевнул... да так и замер с раскрытым ртом, увидев перед собой череп. Вчера нашарив тряпье, он даже не заметил костей рядом. Чтобы лучше разглядеть останки бывшего обитателя этой дыры, Тихон полез за очками.

– Так это ты голосил всю ночь? – пробурчал он, отчетливо увидев распавшийся на отдельные кости скелет.

Отогревшиеся на солнце паучки испугались движений Тихона и спешно прятались в глубоких черных глазницах. Черепу было все равно. Он молча ухмылялся. Тихон ощерился в ответ.

– Хорошо тебе! Можешь улыбаться хоть целую вечность. И челюсть не заболит. А мне чего делать прикажешь?

Он снял очки, сунул их обратно в футляр.

Что же делать, пожалуй, надо выбираться из этого логова. Утро вечера мудренее – ну, вот оно тебе и утро!

Впрочем, был день. Судя по всему, в самом разгаре. Наручные часы, хотя и не отличались точностью, показывали двенадцать с четвертью.

При мысли, что в это время на «Берте» для команды готовили обед, у Тихона проснулся желудок, настойчиво требуя пить и жрать. Придвинув котомку, он пошарил внутри в поисках съестного. Перебирая вещи, наткнулся рукой на бинокль. Это был очень старый театральный бинокль, дамский, зато маленький и удобный. На нем сохранились следы позолоты, и можно было прочесть полустертую, выдавленную на поверхности надпись: «Сделано в СССР». Тихон вспомнил, как однажды едва не соблазнился обменять бинокль на две коробки сушеной рыбьей икры, но не сторговался. От этого воспоминания желудок еще больше свело. Он перетряхнул вещмешок и обнаружил сверток с единственным оставшимся сухарем. Давеча хотел выбросить, кто бы знал, что пригодится, когда он окажется именно в таком положении.

Размочив сухарь в прозрачной лужице, натекшей в ямке у стены, Тихон расправился с ним быстрее, чем ожидал. И только вознамерился черпнуть воды ладонью, чтобы попить, как за проломом стены кто-то оглашенно крикнул:

– Бах!

Тихон вздрогнул и расплескал воду, не донеся к губам.

– Бах-бах! – очень близко раздался ответный крик.

Голоса детские.

– Ты убит! – злорадно проголосил невидимый мальчуган.

– Нет, ты убит! – заспорил в ответ другой пацаненок.

Как минимум еще по одному детскому голосу выступило в поддержку обеих сторон. Судя по звукам, следом разгорелась нешуточная драка. Сквозь пыхтенье и отчетливые всхлипы слышно было, как шуршат осколки бетона под ногами дерущихся, как стучат не знающие жалости кулаки. Собственно, никакого дела Тихону не было до чужих разборок, тем более поселенческой мелкоты. Но подталкивал не утоленный единственным сухарем голод: возможно, через детей будет легче установить контакт со взрослыми, а значит, найти еду. Главное, не напугать мелкоту.

Он снова черпнул воды, хлебнул и подполз к зияющему пролому в стене. Достал бинокль, чтобы осмотреться.

Детей оказалось больше, чем он ожидал. Дрались четверо. Еще трое застыли в сторонке, наблюдая за схваткой. Одеты кто во что горазд: одежда измятая, долгополая и не по размеру, или, наоборот, тесная. Большие заплатки на штанах и куртках. На ногах разномастная обувь, вместо шнурков веревки. Чумазные лица, грязные выцветшие шапки. Дети были похожи на карликов или неумело сделанных кукольных персонажей, способных вызвать одну только жалость.

Среди мальчишек выделялась девчонка. С длинными косами, высокая и явно старше остальных. Через шею и плечо ее перекинута сумка, сделанная из цельного куска полотна, в ней лежала кукла, что для возраста девчонки казалось странным. Неожиданно кукла пошевелилась, притянув ко рту пальцы, и Тихон понял, что это младенец.

Он спрятал бинокль и снова напялил очки. И пока решал, как вылезти поудобнее, чтобы не выпасть наружу, драка прекратилась. Кто-то, вероятно, заметил появление чужака. Неприятно удивленный возникшей тишиной, Тихон поторопился надеть очки, чтобы как следует разглядеть детей и поговорить с ними, пока те не убежали. И вдруг понял, что все они, за исключением младенца, смотрят вовсе не в его сторону.

Пришлось снова лезть за биноклем. Цепляясь пальцами за выемки в разрушенной стене, Тихон высунулся подальше, и всмотрелся в ту сторону, куда направлены были взгляды детей. Сначала ничего не мог разобрать среди развалин, в этом смешении черных трещин, ржавых линий арматур и пестроты рассыпанных повсюду камней и бетонных осколков. Но вот возникло какое-то движение, и Тихон вдруг разглядел странное существо.

Оно будто явилось из дурных снов: приземистое чудище, похожее на малорослого горбатого человека с неестественно длинными руками, с острыми сантиметровых ногтей – ими оно почти касалось земли. Не то в маскирующей одежде, не то покрытое блестящей шерстью, отливающей цветами окружающего пространства, что помогало твари оставаться незамеченной на фоне развалин.

Тварь замерла в напряженной позе и внимательно изучала детей. Морда не человеческая. Похожа на обезьянью, но отнюдь не смешная – со строгим и умным выражением. Злотников не раз слышал истории про мутантов, похищающих детей в южной части Резервации, искренне полагая, что все это выдумки. Но удивительная способность к мимикрии, а также гипнотический взгляд существа, вероятно, обездвиживающий на расстоянии, заставили переменить собственную точку зрения. Нет сомнений: перед ним как раз один из мутантов, байки о которых оказались правдой.

Любопытство оказалось сильнее осторожности и подтолкнуло Тихона к решительным действиям. Он убрал бинокль, перекинул вещмешок через плечо и, не мешкая, выпрыгнул из пролома на кучу искрошенного в щебень бетона, рассчитывая остановить существо любым возможным способом.

Насыпь предательски обвалилась под ним, и Тихон кувырком покатился со склона. Сквозь одежду доставали острые камни, раздирали руки, лицо, набивались в штаны, за шиворот, в рукава. Вещмешок слетел. Мысль о том, что сейчас он лишится очков и ничего не сможет отчетливо видеть, на миг затмила все остальные, а потом так и произошло. Дужки слетели с ушей, и очередной кувырок он проделал без очков.

Когда падение, наконец, закончилось, Тихон, лежа на животе и отхаркиваясь от набившейся в рот и легкие пыли, поднял голову и как в тумане увидел спины убегающих детей.

– Албаста! Албаста! Помогите! Албаста!!! – услышал он их вопли.

Дети устремились в промежуток между домами, где когда-то была улица, теперь сплошь засыпанная обломками зданий, заросшая кустарником.

Тварь за ними не гналась, но Тихон насчитал не семь, как раньше, а только пять фигурок.

Он вдруг услышал шорох сзади. обернулся и увидел, как мелькнула быстрая тень. Тварь не осторожничала, перемещалась энергичными прыжками и явно гналась за теми, кого Злотников не досчитался.

Искать очки было некогда. Вскочив на ноги, он схватил осколок бетона поострее. Крепко зажав его в кулаке, взбежал на ближайший пригорок и заметил недостающих – мальчишку и ту девчонку с младенцем в тканевой люльке. Спасаясь от твари, дети попали в ловушку, очутившись в глухом бетонном кармане.

Тварь медленно приближалась к ним, очевидно, собираясь снова пустить в ход свой гипноз, но, заслышав шаги Тихона, обернулась. Даже будучи подслеповатым, Злотников заметил ее осмысленный и суровый взгляд. Она словно предупреждала: не подходи! Но Тихон продолжал спускаться и остановился, только когда непонятное ощущение жара прокатилось по всему телу, затмив собой боль от падения.

Удивившись, Тихон не сразу внял ощущениям и машинально сделал следующий шаг. Внезапно жар стал невыносимым. Что-то заставило его поднести ладони к глазам. Он увидел, как покрасневшая кожа на руке полопалась, и сквозь трещины выступили огненные языки пламени. Резкошибанул в ноздри запах паленого мяса. Тихон замахал руками, желая стряхнуть пламя, но его вспученная кожа как будто истекала горячим веществом. Пламя дотянулось до рукавов, и синтетическая одежда вспыхнула как порох. Огненные языки мгновенно поползли через локти к плечам, дотянулись к лицу. Вдыхая раскаленный воздух, Тихон зашелся в крике. Он упал и катался по земле, забыв о детях, которых желал спасти, и о твари, так жестоко расправившейся с ним.

От невероятной боли сознание Тихона скукожилось, уступая место могущественным и вечным импульсам, дремавшим в глубинах его души. Они заставили Тихона отбросить все, что воспринимал его взгляд и прочие органы чувств, и без сомнений отдаться во власть подсознания. «Ты видишь и чувствуешь то, что заставляет тебя видеть и чувствовать разум!» – примерно такая мысль зазвенела в образовавшейся пустоте.

Не зная, сам ли он крикнул это себе или кто-то чужой на миг проснулся внутри его разума, но Тихон прекратил вой и устремил взгляд не куда-то в стороны, а внутрь и в бесконечность. Как такое возможно, притихший разум отказывался понимать. Но страх перед болью и смертью отступил. Тихон вдруг увидел глаза девчонки. Той няньки с младенцем. Глаза беспомощные, умоляющие, чтобы защитил, спас.

Тихон ощутил губами острые грани камней. Сообразил, что лежит на земле, по локоть погрузив руки в рыхлый песок. Он осторожно вытянул их и с предельной ясностью понял, что произошло невероятное: руки его целы и никакого огня нет. Можно было предположить, что тварь своей невероятной способностью навела морок с целью остановить его, и ей это не удалось. Но куртка – куртка была опалена! Оба рукава расплавились, превратившись в лохмотья.

Не теряя времени на раздумья, Тихон поднялся на ноги. Теперь он и не думал отступать. Тварь же нерешительно попятилась, когда он двинулся к ней. Она отступала шаг в шаг. Тихон видел ее морду, похожую на сморщенное лицо старика, на ней отразилось искреннее удивление. Ему почудилось, что тварь роется в его мозгах, стараясь докопаться до причины, которая помогла человеку не поддаться ее стараниям избавиться от помехи. Очевидно, тварь пришла к какому-то выводу, и копошение прекратилось. Воздух перед Тихоном вдруг задрожал, искривились и заколыхались развалины, как будто в мареве над костром, и существо спряталось в этой зыбкой пелене. Будь Тихон в очках, он смог бы разглядеть, куда двинулось это марево, позволяя твари улизнуть. Но колышущийся сгусток воздуха слишком быстро исчез. А с ним и чудище.

Кто-то коснулся его плеча. Тихон судорожно дернулся, не ожидая прикосновения, и, обернувшись, увидел девчонку. И прежде всего – глаза ее, преисполненные благодарности. Не было сомнения, что они не привиделись ему: необычно зеленые, цвета молодой травы, с тоненькими прожилками желтого на радужке, будто слабенькие лучики солнца пробиваются из черной глубины зрачков.

Тихон опустил взгляд и заметил малыша, которого девчонка держала на руках. Похоже, что произошедшее минуту назад не произвело на младенца ни малейшего впечатления. Он агукнул и улыбнулся Тихону.

– Это Сармат. Албаста хотела его забрать, – сказала девчонка.

– Албаста? – переспросил Тихон.

– Так называют этого демона! – раздался сзади дерзкий мальчишеский голос. – Сказок не слышал, что ли?!

Тихон совсем забыл о мальчишке. Довольно бойкий на вид, со жгуче-черными сверлящими глазами, и такой нахально-смелый, будто это не он стоял здесь только что, напуганный до смерти тварью, не в силах пошевелиться.

– Сармата хотела забрать, – повторил за девчонкой мальчишка. – Забрала бы и ушла. Так иногда бывает. Ты помешал.

Он говорил это спокойно, будто подытоживал случившееся, намеренно избегая эмоций. Совсем по-другому отреагировала девчонка.

– Дядя Амантур и тетя Рахат сказали мне погулять с ним, но не отходить далеко... – на глазах ее выступили слезы. – А я не послушалась...

Она вдруг расплакалась, а следом заревел и младенец.

– Все хорошо, хорошо... – старался успокоить ее Тихон. Ему вдруг захотелось дотронуться до дрожащих плеч девочки, погладить по голове, приласкать, как собственного ребенка.

Но остановила боль воспоминаний. О давно потерянном. О том, чего никогда не вернуть. Как будто кол воткнули в грудь...

– Да заткнитесь вы оба! – рывкнул вдруг мальчишка на девчонку и карапуза, да так, что даже Тихон вздрогнул. – Ведь живы все! Сейчас отец придет! Или дядя Мирбек. Уж наши добежали до них, наверно! – закончил малец и, как ни в чем ни бывало, направился по каменистой насыпи к тому месту, где они играли и откуда согнала их тварь.

Девчонка покачала младенца, запела еле слышно, и тот вскоре успокоился.

– Как тебя зовут? – спросил Тихон.

– Амина, – сказала девчонка и осторожно улыбнулась.

– А его? – Тихон посмотрел на удалявшегося мальчишку.

– Нусуп.

Судя по именам, дети были из семей обрусевших выходцев из Средней Азии, коих немало переселилось в эти места в начале века. Привыкшие к постоянным лишениям, к беспрестанной борьбе за существование, эти люди, как ни странно, на просторах Резервации оставались хранителями тех осколков старой Сибири, что в последние годы расплзалась по швам, трещала под натиском неумолимого хаоса. «Если и они уйдут отсюда, – думал Злотников, – никогда не услышать в этих местах родную речь. Впрочем, и чужую речь едва ли – гонит отсюда людей какая-то страшная сила. Ведь не только война с партизанами причина тому, что тысячи беженцев собрались тикать с юга на север. Человек в Братске говорил что-то о Полосе. Может это из-за нее, она – опасное место?»

Отвлечшись от мыслей, Тихон показал «козу» младенцу. Тот заулыбался.

– Поможешь мне найти очки? – спросил Тихон девчонку.

Амина согласилась, и он велел ей идти вперед.

– Знаешь, как они выглядят? Стеклышки в дужках. Смотри внимательно вокруг. Ладно?

И он повел ее к месту своего падения с кручи. Шел и думал о том, как так вышло, что он смог увидеть глаза девчонки словно на расстоянии вытянутой руки, если сам в этот момент валялся на животе, уткнувшись мордой в камни? Игра воображения? А спасение из огня?..

Как будто чувствуя, что он смотрит на нее, девчонка обернулась. Белые зубы обнажились в улыбке.

– Гляди не споткнись, – пробурчал Тихон.

Не пряча улыбки, она дождалась его.

– Скажи, ты видела что-нибудь странное?

Она нахмурила брови.

– Кажется... – девочка задумалась и поправила взметнувшиеся от порыва ветра грязные волосы. – Не помню. Но разве не странно, что ты смог спасти нас?

Сказав это, она отвлеклась на младенца. Тихон тоже глядел, как маленький Сармат, лежавший в тканевом мешке, как в сумке кенгуру, играл пальчиками и разговаривал на своем не понятном остальному человечеству языке.

Когда Тихон пошел дальше, девчонка зашагала рядом. Они слегка касались друг друга рукавами, и Тихон испытал неожиданно сильную и оттого казавшуюся странной приязнь и к девчонке, и к младенцу. До сих пор он был уверен, что едва ли чужим детям удастся тронуть его сердце.

– Кажется, здесь, – он остановился и показал на глубокие борозды по склону.

Вновь представив свое головокружительное падение, посмотрел на ладони и запястья: кровь на содранной коже успела запечься. И ладони саднили именно от боли падения. Ни единого следа ожога. А меж тем огонь не был выдумкой. Да и опаленные рукава ничем иным не объяснишь. Впрочем, лучше на этот счет пока никаких теорий не строить.

Амина коснулась его руки. Своим пониманием его встревоженности она заставила Тихона приглядеться у ней повнимательнее. Девчонка казалась рано повзрослевшей. Чтобы

сочувствовать именно с таким выражением, какое он прочел в ее глазах, нужно испытывать нечто большее, чем просто благодарность. Это уже, брат, чуткость! Разве такое возможно? Никто не может быть участлив к чужаку-незнакомцу.

Тихон отдернул руку.

– Давай искать!

Он сощурился и осмотрел склон снизу вверх, выделяя среди камней след своего падения. Увидел вещмешок. Но очков нигде не было.

С той стороны, куда убежали дети и куда отправился дерзкий Нусуп, донеслись голоса взрослых. Амина вздрогнула, и нога ее подвернулась на камнях. Тихон успел подхватить девчонку, и как-то получилось, что она оказалась у него на руках. Такая легкая. Как пушинка!

– Эй! – раздался чей-то окрик. – А ну оставь ее!

– Не слышишь? Тебе говорят! – вдогонку долетел другой голос. Судя по шагам, приближавшихся было несколько.

Злотников отпустил девочку, но сразу не стал оборачиваться, чтобы не пропустить то место, где могли бы оказаться очки. Он шаркнул ногой по камням, очертив границу поиска, и только тогда повернулся к незнакомцам. Одного мужчину с желтушным лицом заметил наверху, как раз на том месте, откуда упал.

– Стой, где стоишь! – гневно крикнул он, приведя незнакомца в замешательство. – Смотри по сторонам! У меня очки здесь пропали! Надеюсь, хоть знаете, как они могут выглядеть! Если что – хотя бы два стекла ищем!

Твердость его голоса заставила опешить и остальных. Они переглянулись между собой. Подходить ближе пока не решались. Только женщина, пришедшая с ними, решительно направилась к Амине и забрала из ее рук ребенка.

– Албаста хотела украсть Сармата! – сказала девчонка, показывая на Тихона. – Он спас нас!

– Мы слышали, как дети кричали о чудовище! – проголосил тип сверху.

– Он прогнал ее! Он спас Сармата! – крикнула девчонка, словно пыталась защитить Злотникова от возможной расправы.

– Зачем ты врешь?! Никому еще не удавалось спугнуть демона! – произнесший эти слова человек был значительно выше Тихона, коренастый и кругломордый, с густой всклокоченной шевелюрой – такому и шапки зимой не надо. Похоже, он был здесь главный, так как после его слов к остальным вернулась мрачная уверенность, и они снова двинулись к Злотникову. Всего пять человек, включая желтушного типа, что маячил над склоном.

Черт их знает, что у этих дурней на уме. Но Тихону было жалко очков, и он снова крикнул:

– Я же просил: осторожнее! Найду свои стекла, потом поговорим!

Он смотрел на косматого неотрывно и прищурившись. Это придавало его взгляду особую твердость, и косматый не выдержал. Повернулся к своим и скомандовал, чтобы помогли в поисках.

– Только не растопчите! Я за них десять ящиков тушенки отдал! – приврал Тихон.

Вранье подействовало. Дурни зашептались, а тип, что стоял наверху, начал осторожно спускаться вдоль борозды, цепляясь взглядом за каждый камень.

– Нашел!!! – первым завопил он спустя минуту.

Поднимаясь к нему, Тихон еще сильнее прищурился, стараясь разглядеть предмет в чужих руках. Это и в самом деле были его очки. Что удивительно, почти целые, если не считать немного загнутых дужек на переносице.

3. Город мертвых

Поселенцы, что вели Тихона в свой лагерь, не производили впечатления миролюбиво настроенных. Он ощущал себя взятым в плен странником, личная свобода которого недоступна пониманию этих людей, ведь они не захотели просто уйти и оставить его одного. Хотя он просил. Конечно, можно попытаться убежать, но смущает оружие. Автоматы у них старенькие, а вдруг хорошо стреляют?

И потому он покорно шел вместе с ними. Нагибался, пролезал, карабкался, если нужно было преодолевать завалы, образованные естественным разрушением не до конца уничтоженного войной города. Природные силы повредили былую ровность линий, источили бетон и разъели металл, грозя до конца уничтожить все, что создано было руками человека. На что не хватило сил в тротиловом эквиваленте, довершали вода, ветер, солнце и холод.

Отсутствие ярких красок не удивляло: пейзаж унылый, серый. Одни стены и дыры. Дыры и стены. Мутное небо вечно прячет солнце, и почти нет травы. Бурая полынь, да и та вся в пыли. Камни, обломки бетона – повсюду. В пустых глазницах разрушенных домов гудел ветер. Верхушки зданий осыпались, и невозможно определить, сколько этажей погребено под завалами. Стойкий своеобразный душок царил над местностью. Вероятно, из-за протухшей в бетонных коробах дождевой воды.

Он решил пока не снимать очки и четко видел выщербины в стенах, трещины в оголенных проемах домов, где когда-то стояли косяки, оконные, дверные переплеты, давно сгоревшие в пожарах. Где-то среди развалин, должно быть, лежат высохшие останки – как в том углу, где ему пришлось заночевать. Истинные хозяева домов и квартир навеки упокоились в руинах. Теперь здесь новые хозяева...

Тихон внимательно рассматривал незнакомцев, хотел понять, что же заставляет этих людей жить в столь негостеприимных местах, которые не могут поделить между собой БЭН и повстанцы. Разве эти люди не понимают, что тут не место для нормальной жизни? Впрочем, должно быть, спохватились, хотели уехать, да поздно.

У одного из тех, что шел по правую руку – желтушное лицо и до страшноты впалые щеки. Это он нашел очки. У спутника слева – гноящееся рожистое пятно во всю щеку и нервный тик на правом глазу, отчетливо заметный, когда он оборачивается, чтобы посмотреть на пленника. От него воняло как от козла. И едва ветер ослабевал, в ноздри бил густой запах, от которого Тихона передергивало.

Чуть позади Тихона шел косматый. Хоть и большой, крепкий на вид, но у него явно что-то с суставами. И каждый вынужденно широкий шаг, когда нужно переступить через валявшиеся повсюду огромные камни или плиты, отдается болью. Вероятно, космач так и не привык к ней и всякий раз морщится. У его жены, что ушла вперед, Тихон отметил печальное, изможденное страданиями лицо. Она пришла вместе с мужчинами и забрала у девчонки карапуза, так удачно спасенного. Вот только, принимая ребенка на руки, мать даже не взглянула на его личико, и в глазах ничего не засветилось. А девчонка, Амина, как будто с жалостью отдала ребенка женщине, и теперь тащится позади всех. И никому нет до нее дела.

«После того, что случилось, я бы на их месте ни за что не позволил, чтобы она шла одна и сзади. Опасно!

Да, впрочем, что мне до нее...»

Но он вспомнил руки Амины, ее худенькие плечики, тонкие, чуть ли не прозрачные пальцы. Как она умудряется таскать на себе чужого младенца? И не стоит ли остановиться и пойти с ней рядом? Всякое может произойти. Мало ли этих тварей шастает по развалинам?

– Эй! Ты куда?! – окликнул косматый, когда Тихон, обернувшись к Амине, замедлил шаг.

Злотников отмахнулся, и косматому пришлось, хотя и с явным недовольством, проглотить этот жест. Он дал знак остальным следовать дальше, а сам, демонстративно держа руки на корпусе автомата, занял стойку, готовый терпеливо ждать.

– Почему ты идешь одна? Разве не боишься? – спросил Тихон, когда девчонка приблизилась.

– Мне было страшно, пока Сармат был со мной. Сейчас я не боюсь, – ответила она и через плечо Тихона взглянула на косматого. Сказано это было так, словно она отчитывалась перед своим родственником. Дядя, или кто он там ей...

– Не думай, что это сойдет тебе с рук! – пригрозил косматый, а девчонка смотрела на него, как на вершителя ее судьбы.

– Не отставай, – мягко сказал Тихон.

– Хватит болтать. Надо идти, – поторопил косматый.

– Как тебя хоть зовут? – повернулся к нему Злотников, стараясь не замечать направленный на него автоматный ствол. – Меня Тихон.

– А я Амантур, – с достоинством произнес тот. Ну, точно – родственник девчонки. Кажется, именно это имя она называла.

– А что, Амантур, какова сегодня цена человеческой жизни в этом столь обласканном богом городе?

Косматый недобро сверкнул глазами:

– Не очень высока.

– А все-таки?

– Если хочешь, могу отправить тебя к Аллаху, у него и спросишь, – пробурчал Амантур и снова поторопил. – Идти надо.

– Слушай, отпустил бы ты меня, – сказал Злотников.

– Не думай, что я не благодарен тебе за спасение Сармата, – ответил косматый, – Если пожелаешь, могу отпустить. Но вряд ли тебе понравится здесь одному. А мой очаг – теперь и твой очаг. Ради твоего же блага прошу, пойдем, а?

«Что-то больно странное гостеприимство», – отметил Тихон.

– Ладно, веди к своему очагу. А то я и вправду замерз. – Он поежился.

Прошли еще с полкилометра и наконец, вышли к более-менее обжитому месту, которое представляло собой когда-то внутренний двор между небольшими домами. Бросилось в глаза трепавшееся на ветру застиранное белье, подвязанное к натянутым кое-как проводам. Из глазниц дома напротив тянулся дым – где-то в нем находился обещанный очаг, о котором упоминал Амантур. В предвкушении тепла по спине Тихона пробежали мурашки.

Людей здесь оказалось немало: с полсотни человек высыпало навстречу, когда они подошли к лагерю. Как-то мало верилось, что всех их мог заинтересовать Тихон – чужак, некстати пожаловавший в гости. Меж тем все они уставились именно на него.

Кто-то вдруг крикнул:

– Это же он!

– Он! Он! – полетело с разных сторон. – Это он! Тот тип, которого скинули с корабля!

Тихона оттеснили от Амантура, обступили со всех сторон, стали тянуть за ворот, за полы куртки, грозя то ли раздеть, то ли разорвать на куски. Чей-то кулак, скользя, заехал по лицу. Тихон, как мог, отбивался, не сомневаясь, что угодил в сборище умалишенных.

Вдруг раздался выстрел. После секундного замешательства ближние ряды отпрянули, и рядом с ним остался один тощий старик с куцей бородашкой. Судя по всему, дедок был глух и не слышал выстрела, поскольку озираясь по сторонам и отступил назад только после того, как перед Тихоном появилась фигура еще более грозная, чем Амантур.

– Мирбек... Мирбек... Он рассудит... – прошелестело в толпе.

По сравнению с Амантуром и остальными, кого Тихон до сих пор видел, Мирбек производил впечатление человека действительно весьма здорового физически. Внешне он походил на откормленного и уверенного в себе быка. Мог бы сойти и за психически здорового, если бы не полубезумные выпученные глаза. Тихону с трудом удалось не опустить взгляд.

Мирбек подошел к Амантуру. Бросилось в глаза сходство между этими двумя. Оба широкоплечие, с плоскими лицами, с одинаково густыми бровями и смолистыми шевелюрами, плавно переходящими в бороды, они различались только ростом с разницей почти на голову.

Злотников не ошибся – они оказались братьями.

– Ты хоть знаешь, кого ты сюда привел, брат? – спросил Мирбек, обращаясь к Амантуру, но говоря достаточно громко, чтобы слышали все.

– Объясни, – напрягся Амантур.

– А ты спроси его! – заорал вдруг Мирбек. И тут же засмеялся, повернувшись к толпе и показывая на Тихона: – Вы были правы. Это он! Ха-ха!

– Пусть он скажет нам! Это он! Он! Пусть скажет! – опять над толпой разнеслись надрывные крики.

– Что тебе нужно?! – пересиливая голоса, крикнул Амантур. Автомат нервно трясся в его руках.

– Хой, он не понимает!.. – Мирбек выплевывал фразы, перемежая их затяжными паузами: – Ты хотел убраться отсюда? Так вот! Ничего у тебя не выйдет!.. Вот что происходит!..

– Ну и причем тут этот человек? – спросил Амантур.

Мирбек изменился в лице. Выпученные глаза гиганта на секунду разъехались в стороны, а потом снова собрались в яростный взгляд. Со стороны, может, это выглядело смешно. Однако Тихону было не до веселья. Гаденькая улыбка Мирбека превратилась в оскал. Он приблизился к Тихону почти вплотную. Из рта его несло горелой травой.

«Дурь!» – сообразил Злотников. Характерный конопляный запах, пробивавшийся сквозь запах пота, пыли и бараньей шерсти от накинутого сверху овчинного тулупа, объяснял теперь и чрезмерную возбудимость Мирбека, и приступы неадекватного смеха.

– А притом!.. Эти неверные... Они бросили нас подыхать!.. – крикнул Мирбек. – Вот этот русский знает, о чем я говорю!.. – указал он пальцем на Тихона. – И никакой эвакуации... не будет!.. – рука гиганта взметнулась вверх, а голос у него был, как у заправского оратора. Мощный, резкий.

– Это точно известно? – спросил Амантур.

– Да точнее некуда!.. А народ!.. Желает знать!.. Кто виноват!.. – надрываясь, рубя, как ножом, свои фразы, гудел Мирбек, вновь обращаясь к толпе. – Я правильно говорю?!

Поселенцы отреагировали дружным воплем. Настроение их не сулило ничего хорошего. Не один ведь Мирбек, наверное, здесь обкуренный. Но для расправы и одного достаточно. Злотников не знал ни повадок, ни образа мыслей этого человека, но, судя по тому, что Мирбек был порядком одурманен, предсказать его намерения не составляло труда.

– Вот мы и хотим свершить!.. – гигант запнулся, не в силах подобрать нужные слова.

– ...Справедливое возмездие!.. – нашелся он, наконец.

– А ничего, что он здесь вместе с нами? – спросил Амантур. – Его выбросили с корабля. Он такой же, как мы.

Но этот довод несколько не подействовал.

– Он чужой! К тому же неудачник... – дышал гарью Мирбек. – Нам не нужны неудачники. Они притягивают беду...

– Вовсе нет, он как раз к удаче! Он спас моего сына! Албаستا хотела украсть его! А ты знаешь хоть одного, кто осмелился бы воспротивиться воле албасты?!..

Мирбек ухмыльнулся.

– Да слышал я. Успели рассказать твои... Не иначе, шайтан ему помог! Чтобы втесался в наше доверие!

– Полегче, брат! Не выдумывай!

– А я не выдумываю!.. Народ жаждет! – мотнул головой Мирбек.

– Я буду стрелять! – предупредил Амантур, первым заметив, что руки брата потянулись к висевшему через плечо оружию. Он вытянулся в струну, и казалось, даже сравнялся с братом ростом.

– Когда отец умер, ты выбрал свой путь! – заговорил Амантур. – Я выбрал дело отца.

– Пасти баранов?!

– Мои бараны кормят нас. А твои бараны грабят и убивают других людей. Можешь распоряжаться своими головорезами, но не вынуждай меня делать что-то против моего желания.

– Брат... отдай его нам... – Мирбек дико вращал глазами, и губы его то вытягивались в трубку, то туго сжимались. – Надо разобраться, кто виноват... Самое время начать...

И началось бы, не обкурился он сверх меры.

Пошатываясь, гигант сделал два шага к брату. Это действие потребовало от него невероятных усилий. Глаза Мирбека вылезли из орбит. Зрачки так расширились, что грозили затмить своей чернотой белки глаз, испещренных кровавыми прожилками. На мгновение замерев, он намеревался сделать третий шаг, но вдруг упал, как подкошенный. Толпа, до сих пор находившаяся с ним в единой связи, молча наблюдала за тем, как Мирбек извивается, как здоровенный тяжелый жук, тщетно стараясь преодолеть земное притяжение. Некоторое время он еще шевелился, а потом неожиданно затих. В возникшей тишине слышно было его сиплое дыхание.

– А ну, пошли все вон! – скомандовал Амантур, и люди на удивление быстро рассеялись по своим щелям. Остались только четыре угрюмых типа, подручные Мирбека. Амантур приказал им поднять тело брата и унести.

– Пусть отоспится. Глядите мне, не уроните! – крикнул он им вслед и повернулся к Тихону:

– Не сердись на них. Они озлоблены.

Тихон подумал, что, может быть, нужно сказать спасибо Амантуру за избавление от перспективы оказаться растерзанным толпой или погибнуть от рук обезумевшего наркомана. Но посчитал, что Амантур наверняка вступился за него не просто так, а из каких-то внутренних побуждений. И не нуждается в благодарности.

– Много вас здесь? – спросил он просто для того, чтобы отвлечься. Нервы были на пределе, руки до сих пор тряслись. Он сунул их в карманы.

«Не то, чтобы я испугался смерти... Впрочем, это неправда. Испугался – вот именно такой, глупой смерти. Совсем не хочется пропасть за понюх табака...»

– Человек сто будет, – ответил Амантур.

– И давно вы здесь живете?

– Две недели. Думали перебраться хотя бы в Братск.

У Тихона вдруг появилось ощущение, что на него смотрят. Никогда прежде он не испытывал такого. Возможно, после столкновения с тварью дремавшие первобытные инстинкты обострились. Он изучил взглядом развалины, повернулся и глянул вверх. В оконном проеме увидел Амину. Девчонка тотчас исчезла в глубине.

– Она считает тебя своим избавителем, – объяснил Амантур, тоже заметивший девчонку. – Если бы албаста похитила Сармата, ей бы не поздоровилось!

– И часто эти твари похищают детей?

– Нередко.

– Что они с ними делают? – поморщился Тихон, заранее угадывая ответ.

– А ты как думаешь?.. – Амантур нахмурился. – Больших не трогают. Все больше младенцами интересуются.

– Логично. Вы ведь тоже предпочтете мясо ягненка старой баранине, – понимая, что зарывается, прокомментировал Тихон. Его начинало злить вынужденное присутствие здесь.

Однако Амантур отреагировал спокойно.

– Если хочешь меня задеть, у тебя не получится. Как друг, ты получишь у нас кров, тепло, еду. Что еще надо человеку сегодня? А если покажешь свою полезность, тогда тебе вовсе нечего бояться. Люди примут тебя.

– Полезность?

– Ты кто по профессии? В механизмах разбираешься?

– Смотря в каких.

– Ничего, захочешь – разберешься, – сказал Амантур и показал на окно. – Поднимайся наверх. А я пойду, проверю, как там брат мой.

То ли он был простаком, этот Амантур, то ли отлично понимал, что у Тихона нет другого выхода. Ведь, когда он остался один, появился шанс убежать. Но двинувшись вдоль дома, Тихон заметил в одной стороне желтушного типа, в другой еще одного. Захочешь убежать, получишь пулю в спину. Да и куда бежать? Амантур прав, никто вокруг не будет рад чужаку. А то, что нравы жестоки – так оно везде так. Но вот голодный желудок давно изнылся, и дым из окна обещал не только тепло от жаркого очага, а и, наверняка, что-нибудь съестное.

Так что голод оказался сильнее чувства опасности.

Когда Тихон вошел в помещение, где обитала семья Амантура, на него накиннулись сразу несколько женщин. В отличие от давешней толпы, с добрыми намерениями. Запричитали на все голоса.

– Ай, спасибо тебе, добрый человек! Избавитель ты наш! Что б мы без тебя делали!.. – Горбоносая худая старуха, воспользовавшись замешательством Тихона, припала к его руке, чтобы поцеловать ее. Рахат, мать младенца, даже встала на колени. Видимо, и ее, наконец, проняло. Он заметил Амину: девчонка стояла в отдалении, наблюдая за сценой восхваления спасителя детей. Улыбнулся ей, но вряд ли та заметила – слишком темно.

Удивительное дело: здесь его воспринимали спасителем, но вряд ли эти люди чем-то отличались от тех своих соплеменников, которые только что жаждали его крови. Впрочем, Тихону чихать было на благодарность, внутри сейчас горело одно только желание – пожрать.

Вскоре его терпение было вознаграждено. Через мрачный закопченный коридор Тихона провели в комнату, где находился очаг – обложенное кирпичами кострище. Над ним возвышался приличных размеров котелок, в котором парило только что приготовленное варево. Огонь почти потух, остались только щедро пышущие жаром угли. Рядом сидел Нусуп – мальчишка с дерзким взглядом – и увлеченно сбивал с углей языки пламени.

Одна из женщин, шикнув, прогнала мальчишку от очага, хотя места вполне хватило бы на всех. Она сняла котелок с углей и поставила его на пол, где приготовлены были коврики для едоков. В комнату ввели старика с бородою чуть не до пояса. Он ступал, еле перебирая ногами, поддерживаемый под руки горбоносой худой старухой. Та усадила старика перед котелком и сунула ему в руку ложку.

– Угощайся, дорогой! – послышался ее хриплый голос. Она говорила с характерным восточным акцентом, – Бисмилляхи рахмани рахим! Во имя Аллаха милостивого и милосердного... Уж сегодня мы не оставим тебя голодным.

– Бисмилляхи и аррохмани ррохим... – слабым голосом однозвучно пропел старик, схватил щепотку соли и потянулся ложкой к котелку.

Старуха повернулась к Злотникову:

– Как зовут тебя, сынок?

– Тихон, – глотая слюну, ответил он.

От шибящего в ноздри буйного запаха у него помутилось в глазах, и слабость растеклась по телу. Он с трудом держался на ногах.

– Садись и ты, пожалуйста, Тихон, – сказала старуха и жестом пригласила занять место рядом со стариком.

Нашел себе место и Нусуп. Мальчишка принялся было за еду, но не успел поднести ложки ко рту, как тут же схлопотал от старухи по лбу.

– Хочешь, чтобы шайтан получил долю из нашей еды, как сказано в хадисе?..

– Ну, бисмилля, бисмилля... – проворчал малолетний наглец, потирая лоб.

– И не нукай мне! – старуха снова замахнулась ложкой, но удовлетворилась тем, что мальчишка боязливо пригнулся. – Только нечестивцы едят без молитвы. Мало тебе, что в лапы к самому шайтану чуть не угодили!..

Она замолчала и покосилась на Тихона. Он почувствовал себя неловко. Но что ж теперь – перекреститься для вида? Показать, что тоже верующий? Но это была бы ложь. У этих хоть Аллах есть. Даже у Мирбека, несмотря на то, что дорога ему уготована прямоком в ад, наверняка райские гурии на уме, черноокие и большеглазые. А что есть у меня? К чему я хочу прийти в итоге? Какая сила таскает меня по этому свету?..

– А ты ешь, сынок, ешь, – сказала старуха. – Не обращай на меня и на этого идиота внимания.

Когда все, помолвившись, присоединились к трапезе, Тихон зачерпнул из котелка, стараясь, чтобы это не выглядело жадно. То была каша с мясом. Немного пригоревшая, но до головокружения вкусная. Хотя голод требовал жевать быстрее, он не поддался, стал наслаждаться едой, растягивая удовольствие.

Утолив первый голод, он не преминул рассмотреть сидевших у очага людей. Из взрослых, помимо старика, горбоносой старухи и уже знакомой Рахат, жены Амантура, здесь были еще две женщины. Возможно, сестры или другие жены Амантура (приверженцы ислама в Резервации давно не придерживались светских законов). Кроме них, Амина и две очень похожих друг на друга девочки помладше – лет шести и четырех. И Нусуп – единственный мальчишка.

Судя по всему, не такая уж патриархальная семья, если за трапезой отсутствовал глава семьи – Амантур. И только Тихон о нем подумал, как косматый хозяин очага возник в дверном проеме. Он первым делом схватился за канистру с водой. Тряхнул, она оказалась пустой.

– Нусуп, ты не принес воды, как я просил?! – прорычал он.

– Я еще не наелся! – с набитым ртом пробубнил Нусуп.

– А я тебе сегодня не драл уши!

Подросток нехотя отвалил от еды. Поглядывая на женщин, ожидал, видно, что кто-то вступится за него, но таковых не нашлось.

– И чтобы не играл с мальчишками!

– Слушаюсь, отец! – проворчал паренек.

Амантур хотел дать ему затрепину, но тот успел скрыться в коридоре.

– Паршивец... – проворчал хозяин. Женщины расступились перед ним, он взял младшую девочку к себе на руки и сел на пол вместе с ней.

– Ку'сай... – пролепетала она.

– Спасибо, дочка! Бисмилляхи... – произнес Амантур и губами принял из ее ладошки кусок мяса, облепленный кашей. Прожевал и отер усы.

– Нусуп совсем от рук отбил, сколько ни лупи! – сказала женщина, сидевшая рядом с Рахат. – Сегодня зачем-то поперся в развалины и увел за собой других. Амину уговорил.

– А ведь она была не одна. С Сарматом... – добавила Рахат.

Амантур, жуя, что-то промычал недовольно, но обе не вникли в угрозу.

– И Амина туда же, – вновь начала первая, – Но та хоть чужой крови, понятно, откуда...

– Дай поесть, женщина! – рявкнул Амантур, изрядно напугав обеих, и дальше все ели молча.

Тихон ощутил, что его начинает клонить в сон. С этой минуты все казалось не настоящим. И очаг, и сидевшие у дотлевающих углей люди. И холод с улицы, что сквозь дыру проема начинал вливаться в комнату – тоже не настоящий...

* * *

Похоже, он действительно уснул, так как очнулся от того, что кто-то потряхивал его за плечо.

– Эй, проснитесь...

Он никак не прореагировал, и его снова трянули.

– Я здесь, здесь, капитан!.. – восторженно вскрикнул Злотников, радостный оттого, что снова на «Берте», в тепле и сытости, но не в силах понять, почему капитан Мао говорит женским голосом.

Наконец, сел. Глаза слипались.

– Пойдемте, я покажу, где можно лечь!

Это была Амина.

Тихон скосил взгляд и заметил, что угли совсем потухли. В комнате только он и девчонка. Она стояла перед ним на коленях, а сам Тихон полулежал на том же месте, где уснул, и не упал только потому, что кто-то заботливо подставил под спину пуфик с истлевшим верхом. И даже не кто-то, наверняка, она и подставила...

Заметив, что взгляд его прояснился, девочка встала с колен и поманила Тихона за собой. Они миновали коридор, где она приняла из чьих-то рук (возможно, Рахат – лица не было видно в полумраке) сверток мешковины, и по лестнице повела гостя наверх.

– Постели ему там, в углу, – донеслось снизу. – Только насчет мертвецов предупреди!..

– А что, здесь остались еще старые хозяева? Надеюсь, не вы их прикончили? – спросил Тихон.

– Нет. Они давно умерли, – не поняла насмешки Амина.

– Извини, глупая шутка.

Помещение, в которое она его ввела, оказалось бывшей спальней. Мебель не тронута. Правда, покосившаяся, запыленная. Посредине стены напротив – кровать, на которой что-то лежало. Тихон подошел ближе и понял, что это и есть те мертвецы, о которых Амина должна была предупредить. Мужчина и женщина. Не требовалось особого ума, чтобы определить это хотя бы по волосам на мумифицированных черепах. Засыпанная пылью, истлевшая одежда местами разорвалась, обнажая черноту иссушенных тел.

– Здесь еще не так...

Амина оказалась так близко, что Тихон, в напряжении смотревший на тела, вздрогнул.

– Что ты говоришь?

– Не так холодно, – пояснила девчонка. – С этой стороны ветер почти не дует. Только вот мертвецы. Дядя Амантур хотел от них избавиться, но дедушка говорит, что нельзя трогать мертвых. Тем более, когда они лежат так...

– Ничего. Не в первый раз, – ответил Тихон и снова посмотрел на бывших владельцев этого жилища.

Было что-то символичное в том, что их не тронули ни крысы, ни вновь пришедшие сюда люди. Два тела, превратившиеся с момента катастрофы в мумии, лежали рядышком, так, чтобы не оставалось сомнений – эти люди думали друг о друге в самый миг смерти. Или кто-то один продолжал думать о любимом, первым ушедшим в мир иной, если смерть не пришла к ним обоим сразу, как об этом мечтается в сказках.

– Это их город, – произнесла вдруг Амина, и от этих ее слов Тихона пробрала дрожь. Такая обычно бывает в торжественную минуту, особенно когда слышишь какую-нибудь пате-

тичную песнь вроде старого русского гимна. То же самое он испытал при виде двух мертвецов.

– Ты права, – откликнулся Тихон. – Это их город.

4. Ночные разговоры

Спать не хотелось. У потухшего очага Амина выдернула его из дремы, перебила сон. И теперь он просто лежал, прислушиваясь к долетающим в комнату голосам и стукам. Семьи поселенцев – а их было здесь больше десятка – готовились к безопасной ночевке, закрывая щитами из досок и железа проемы нижнего этажа. Считают, что это обезопасит от незваных чужаков или от тварей, охотящихся на младенцев. Но после того, что Тихон испытал, он крайне сомневался в надежности такой защиты. Перед тем, как оставить его одного, Амина рассказала несколько историй про демонов. Не просил, сама рассказала. И не скрывала своего восхищения перед ним, человеком, которому удалось победить в схватке с чудовищем.

Какая схватка?!

«Они считают меня героем! Но не расскажешь ведь, что чуть штаны не испортил, едва увидел, как горят руки. И только потом случилось чудо. Именно чудо! Включилось что-то внутри, нажалась какая-то кнопка, о существовании которой я никогда не ведал. Столкнулись две сверхъестественных силы. Одна должна была победить. И это оказалась сила, спрятанная внутри меня.

Как странно все... И когда появились поселенцы, девчонка фактически отстояла меня. И хотя Амантур вел себя довольно сурово, это вовсе не значит, что меня взяли в плен, как я считал раньше. Вовсе нет. Возможно, Амантур считает меня чем-то вроде талисмана. Рассчитывает на участие. И я, например, могу сейчас пойти и помочь ему колотить щиты.

Но мне нет никакого дела до этих людей...» – убеждал себя Тихон.

«Я сам по себе. Приютили, накормили – спасибо. При первой возможности уйду. Да хоть прямо сейчас... Вот встану... уже встаю...» Но сытость развратила организм и заставляла сохранять горизонтальное положение. Желание бежать если и не исчезло вовсе, то, по крайней мере, надолго утонуло в приятных ощущениях в животе. Да и потом, если входы заколочены, то и выходы, значит, тоже.

«Ладно, завтра утром уйду!...»

Тихон лежал на спине, ощущая колкость травы, подстилка из которой должна была защищать от бетонного холода. В ноздри бил неприятный прелый запах мешковины, которой он укрылся от сквозняка – к этому запаху невозможно было привыкнуть. Это тебе не поролоновый матрас на полке каюты, и не шерстяное одеяло с подушкой. Это, брат, почти настоящая первобытная жизнь.

«Интересно, если существовали цивилизации, достигшие уровня нынешней, научившиеся управлять генами, расщеплять атом, но так и не понявшие ценности жизни, – что могло остаться от них после какой-нибудь общемировой катастрофы, если таковая постигла их? На счастье остального человечества, эта катастрофа оказалась локальной. Хоть она и поразила огромную территорию, пострадали в ней только те, кто родился и жил в Сибири. Очень малый процент человечества. Но кому как не нам знать теперь, что плоды рук людских превращаются в ничто еще при жизни одного поколения, что уж говорить о тысячелетиях. Что уж говорить о всем человечестве...»

Его воображению вдруг предстала карикатура – некто лохматый и дикий на вид, представляющий собой то самое усредненное человечество, идет себе, идет и вдруг наступает на грабли, которых никогда прежде не видел и не знает, что это за предмет. Палка взмывает – и прямо в лоб! Но, испытав боль, человек не делает из этого вывода, а, придя немного в себя, наступает на грабли снова и снова. Лопаются глаза, ломается нос, кровь хлещет, чертовски больно... И все же ему по-прежнему любопытно, что будет дальше и чем все это закончится. И некому остановить его...

Медленно переваривая не только еду, но и свои мысли, Тихон вспомнил прошедший день. Особенно – то неприятное существо, позарившееся на самое дорогое, что есть у человека. На ребенка.

Продолжение рода – разве это не главная цель жизни?

«У меня тоже была когда-то эта цель...»

Он вспомнил, как однажды разговорился с двумя бродягами – с проповедником и юридивым при нем, почему-то выделив их из сотни пассажиров «Берты». Дурачок был так себе: слабоумный он и в Африке слабоумный. Проповедник же оказался чокнутым фанатиком, и к тому же словоохотливым. Как-то само собой вышли на тему «смысла жизни в продлении рода». Проповедник, который утверждал, что не принадлежит ни одной церкви, а только собственной, говорил, что продление рода не может быть главной целью человека, что-то плел о том, что если жизнь отдельного индивидуума нужна *только* для появления другой такой жизни, то ее смысл – в бессмыслице. Вещал о главной в его понимании цели – спасении души. А вдобавок сумел разговорить Тихона, выведать подробности того момента его жизни, когда все кануло в пропасть. Никому Тихон не рассказывал о своей трагедии, хотя допытывались многие, а вот проповеднику рассказал. Спустя какое-то время Тихон посчитал свою откровенность слабостью. И впоследствии каждый раз, когда хотя бы мельком задумывался о цели жизни и смысле существования, он вспоминал тот разговор, когда открыл чужому человеку свое горе...

В такие минуты, как сейчас, тараканы памяти лезли из всех щелей, остановить их было трудно, но он умел это сделать. Еще бы – столько лет тренировок.

Тихон велел себе заткнуться и думать о чем-нибудь другом. Отчасти спасал отвлекающий грохот внизу. Но вскоре стук прекратился. Шаги за стеной и возня тоже стихли. Видать, домашние Амантура устроились на ночлег.

Боязнь одиночества вдруг овладела Тихоном. Торчать здесь – значит, остаться наедине со своими воспоминаниями. Тогда они точно одолеют его. Пойти к людям? Ведь не все же они легли спать. Но он не представлял, о чем будет разговаривать с ними.

«Да хоть о чем! Лишь бы говорить!»

Впервые его тяготила уединенность.

Он решительно откинул мешковину, сел и посмотрел на слабо видневшиеся в полумраке два тела, которые когда-то назывались людьми, а теперь представляли собой лишенный жизненной силы набор атомов и молекул. Поймал себя на том, что в какой-то мере завидует освобождению двух душ от того кошмара, в котором ему, и тысячам таких, как он, приходится существовать ежечасно...

Тихон сообразил, что эта мысль опять заведет его в терзания о прошлом, и поспешил в коридор. Окна второй половины дома выходили на запад, откуда внутрь проникал слабый свет еще не потухшего окончательно неба, и Тихон вовремя заметил сына Амантура, едва не наступив на мальчишку. Тот сидел на ступенях лестницы, вытянув ноги и прислонившись к стене плечом.

– Извини, чуть не зашиб тебя, – сказал Тихон.

Нусуп ничего не ответил. С мальцом трудно найти точки соприкосновения, тем более, что в мальчишке было что-то злое, чего не должно быть в ребенке. Стоит поискать другого собеседника.

Поеживаясь от сквозняка, Злотников направился вглубь квартиры. Он думал, что поселенцы на ночь тоже будут жечь костер, но ошибся. Собравшись в соседней от очага комнатке, родные Амантура уселись в ее центре, как можно теснее друг к другу. Конечно, одеты тепло, но это лишь временное решение проблемы. Ведь скоро начнутся по-настоящему серьезные холода, и что они будут делать тогда?

– Амантур? – позвал Злотников, не видя лиц, только черные силуэты.

– Он ушел на совет, – ответила ему кто-то из женщин.

– Какой совет? Разве вход не заколотили?

– Они наверху собираются. На крыше.

Их голоса разбудили маленького Сармата, и Рахат принялась его успокаивать. Злотников не стал извиняться и вернулся в коридор. Нусуп не повернулся в его сторону. Или Тихон безразличен ему, или паренек уснул, что было вероятнее. Влетит ему от отца, если Амантур вдруг нагрянет. Но будить паренька Тихон не стал, вторгаться в чужие дела – не в его правилах.

Пробравшись в свою комнату, он ощутил, что здесь прохладно, и пожалел, что сбежал с нагретого места. Осень вступила в права, и будет холодно. Возможно, холоднее, чем прошедшей ночью.

«А не развести ли мне костер?» – подумал он, не понимая еще, почему поселенцы готовы мириться с холодом. Набрал щепок, валявшихся в коридоре, сложил из них пирамидку. Этого казалось мало. Но мысль о том, чтобы разломать мебель в комнате, где навечно уснули двое, казалась кощунственной и, видимо, не ему одному, учитывая нетронутость обстановки. Собираясь пойти на верхние этажи поискать дровишек, но его остановил голос Амины.

– Нельзя костер жечь, – сказала девчонка, входя в комнату.

– Почему? – он уставился в ее призрачную фигуру.

– Дядя Амантур говорит, что огонь привлекает тех, кто снаружи.

– Но ведь холодно.

– Ничего не поделаешь, – ответила она.

– Только не говори, что так вы живете всегда.

– Конечно, нет. Мы раньше жили возле Ангарска. У нас там остались дома.

– Ангарска? – изрядно удивившись, переспросил Тихон. – Но ведь это очень близко к Полосе! Радиация.

– Дядя Амантур давал баранов, кому нужно, и они закрывали глаза на то, что мы живем там, где не позволено.

– Но ведь радиация... – повторил Тихон.

– А что радиация, если там спокойно, – сказала Амина.

– Чего ж тогда сюда пришли?

– Мы уехать хотели. Многие так решили. Все ждали, когда придут спасатели, но оказалось, что зря.

– Но ведь можно было сделать плоты и сплавиться вниз по Ангаре. Хоть до самого Братска, – Тихон говорил так, словно это Амина решала, как нужно поступить.

– Среди нас много женщин и детей. Разве на всех плотов наделаешь? Да и опасно очень. Говорят, вдоль рек места очень дикие стали.

– Это верно, – согласился Тихон.

Знающие люди говорили, что берега рек в глухих местах стали очень неприятливыми. Вдобавок он мог вспомнить десятки случаев, когда «Берта» подминала под себя не то что плоты, а даже мелкие лодки. Ночью такое бывало часто, и если не выставить огней, ты обречен. Никто тебя не заметит. И никого не интересует судьба людей, упавших в воду, ледяную даже летом.

Амина отвлекла его неожиданным вопросом:

– Как получилось, что ты оказался здесь?

– О чем ты? Твой дядя привел меня сюда под автоматом.

– Нет. Я хотела спросить, почему тебя выгнали с корабля?

– Корабля... – Тихон усмехнулся. – Это на морях корабли. А здесь – ржавые утки для фекалий.

Он представил «Берту» с ее ненавистным капитаном, и это сравнение отчасти доставило ему удовольствие.

– Да это мутная история, – ответил он. – Не хочется вспоминать.

– А все-таки.

– Думаешь, тебе будет интересно?

Было темно, и все же он заметил, что она кивнула.

– Спроси лучше о чем-нибудь другом.

Девчонка задумалась, но ненадолго.

– Ты часто бываешь *там*?.. – она махнула рукой. Этот жест Тихон скорее почувствовал, чем увидел – по слабому потоку воздуха.

– Имеешь в виду, за Резервацией? Нет, не часто.

– Но ведь ты был *там* раньше? Правду говорят, что *там* людям очень хорошо живется?

Теперь настал черед Тихона задуматься. Должен ли он сказать правду – ей, рожденной и живущей в этих невыносимых условиях? Она не может помнить лучшей жизни, даже если родилась до войны. Местные считают, что за пределами Резервации райская жизнь. Их ожидание лучшего легко объяснимо. Но никакие их мечты о рае, увы, не способны показать, насколько там действительно легче жить.

Что я должен рассказать тебе, девочка? Что люди *там* не ведают, что такое выживание. Позволительным считают выбрасывать горы продуктов – в лучшем случае отдают на корм бездельникам, живущим за счет подачек. Потому что еды столько, что не съесть самим и девать некуда, разве что на помойку, да на корм свиньям. Рекламу тысяч названий мыл, шампуней, пены для бритья, прокладок и антивонючек крутят сутки напролет. Если не попробовал новый товар – считай, прожил жизнь зря. Помылся, побрился – гуляй, не хочу. В городах даже ночью светло, как днем. И можно развлекаться, гулять хоть до утра. Забуриться в тридэо и отдаться виртуальному дьяволу – но вряд ли ты знаешь, что такое тридэо. Резаться в войнушку или замутить стратегию, построить воображаемый дом, семью, а потом все стереть на хрен и начать заново. Поиграть в воображаемый апокалипсис – да запросто. Можно кататься на глайдерах, да и просто веселиться в ночных клубах и сиськотехах – но и об этом ты не имеешь ни малейшего представления. Можно и вовсе не работать, а получать при этом все необходимое для жизни. И обеспечили это высокие технологии, которые не доступны в Резервации. А цена этому всему – сама Резервация. Позорное пятно на поверхности Земли, принадлежащей Человечеству. Резервация – ад, где живут отверженные, те, кого не пускают в лучший мир, обложив кордонами. Место, где добывается кровь и плоть жиреющей цивилизации – нефть, газ, металлы и прочие ресурсы. Кто-то однажды решил, что это место не должно принадлежать одной стране. Кто-то другой решил заразить эту территорию ядерной чумой. Но радиация не вечна. И наступил дефицит ресурсов. Честный – в понимании тех, кто причастен к зарабатыванию звонкой монеты, тех, кто, пользуясь благами прогресса, живет на полную катушку...

«Но вряд ли тебя устроит такой мой рассказ», – подумал Тихон. А вслух сказал:

– Да ничего такого особенно. Конечно, лучше, чем здесь.

Кажется, его мысли пронеслись вихрем, и если помедлил он с ответом, то всего ничего. Но причина его заминки стала понятна ей.

– Ты все врешь, – сказала Амина. – Нет жизни хуже, чем здесь.

Тихон не видел Амину, но почувствовал, что она приблизилась к нему.

– Вот здесь лежат мертвецы, – сказала она. – Этим людям повезло. Здесь от них остались только тела. Но я верю, что ТАМ, – она показала пальцем вверх, – они вместе. И им ничего не страшно. А почему ты один? У тебя есть семья? Или была когда-то?

Стоп, девочка! Эко тебя занесло. Впрочем, сам виноват. Но и все равно, этот вопрос он даже себе задавать запрещал!..

Надо бы ее прогнать, но Злотников не нашел ничего лучше, чем спросить:

– Твои не потеряют тебя?

– До утра я вряд ли им понадобится.

А девчонка не промах. Выглядит достаточно уверенной. Да и с возрастом он ошибся – судя по речам, она достаточно взрослая. И даже если ей четырнадцать или пятнадцать, для самой дикой части Резервации это, должно быть, немало. И не девочка она, не девчонка, а вполне созревшая девушка.

– А то, что ты сейчас одна, с чужим мужчиной? Это не имеет значения? Тебя не интересует, что о тебе подумают твои родичи?

То была последняя попытка увести разговор в сторону. И достаточно грубая – с целью смутить Амину, если в голове у нее совсем не то, о чем сейчас подумал Тихон. Но того, что произошло дальше, он никак не ожидал.

Амина вдруг прижалась к нему и обхватила шею Тихона руками. Он ощутил щекой, чуть ниже уха, горячее прикосновение губ.

– Возьми меня себе, – зашептала она. – Пожалуйста. Я буду делать все, что ты скажешь!

– Что ты говоришь? – сам зашептал он, испугавшись ее выходки. Хотел отстраниться, но Амина еще крепче обхватила его шею.

– Я знаю, ты хороший человек! Я это чувствую! Пожалуйста... Ты не сможешь здесь долго быть. Обязательно уйдешь. Если уйдешь, возьми меня с собой. Я пойду за тобой хоть куда, я буду твоя, хочешь?..

Она обдавала его жарким дыханием, вызывая дрожь во всем теле. В нем рождалось желание. И пахло от нее как-то необычно хорошо и приятно. Этому открытию Злотников поразился не меньше, чем поступку девчонки. В Резервации крайне мало людей со здоровым запахом. А ведь еще старая бабка Тихона в детстве говаривала, что чистый внутри человек и вонять не будет, даже если ему нечем чистить зубы и помыться, а нечистый пусть хоть трижды на дню скоблит рот и ходит в баню, от запаха бесов не избавится. Может быть, это она специально так давила авторитетом, чтобы наставить внука на путь истинный – в детстве он был непослушным мальчишкой – и так пыталась повлиять на его характер. Но Тихон ее слова на всю жизнь запомнил. Может, и права была бабка...

– Я теперь вспомнила! Там, когда албаства хотела украсть Сармата... – с придыханием продолжала шептать Амина, – на твоих руках проступил огонь. Ты упал на землю и не двигался... Мне казалось, что уже никто не сможет помочь. И если я отдам ребенка в ее руки, меня ждут ужасные перемены... Я смотрела на тебя и молилась, чтобы Аллах дал тебе сил... А потом увидела, будто ты смотришь на меня... увидела твои глаза...

Тихон слушал и впитывал каждое ее слово.

– Я не хочу быть с ними!.. – щекотали ее губы. – У меня никого нет. Ни отца, ни мамы. А для дяди я как чужая. Возьми меня... Хочешь, я буду твоей женой... А может, и не женой... Хоть кем...

Она замолчала. О том, что Амина плачет, Тихон понял, ощутив тепло ее слез на своей щеке.

Он понимал ее. Наверное, она считает, что кто-то неведомый, в ее понимании, должно быть, Аллах, распорядился, чтобы Тихон оказался в нужное время и в нужном месте, спас ее и детей от чудовища. Но если задуматься, то почему и нет? В этой жизни цепи случайностей рано или поздно оказываются закономерностями. Впрочем, не о том сейчас речь, не о том...

– Все-таки я не могу понять, почему ты считаешь, что со мной тебе будет лучше?

– Потому что ты другой. Никто не мог дать отпор албастве.

Она снова и снова готова была рассказывать то, что он уже слышал.

– Албасты никого не боятся. Албаства появляется, когда не подозреваешь. И так же быстро исчезает, если ей удастся похитить ребенка. Прежде чем нападет, ее даже не видно. Матери сходят с ума и отцы тоже. А потом и они пропадают. Кто не смиряется с потерей, уходит в Полосу. А там албасты их превращают в оборотней и посылают обратно сюда за новыми детьми.

«Бред...»

Он мог бы сказать это и вслух, но боялся обидеть девчонку.

– А почему – албаста. Что это значит?

– Албаста – это демон в виде женщины.

– По-моему, не очень-то и похоже на женщину.

– Люди так прозвали. Албасты вредят родившим женщинам и младенцам и могут превращаться в любой предмет.

– И что, давно появились здесь эти ваши албасты?

– Раньше их не было. А сейчас никакого спасу нет. Они умеют внушать страх, и легко заставят даже мать добровольно отдать ребенка. А после той останется лишь рвать на себе волосы, когда поймет, что произошло. И это невероятно, что ты не поддался их колдовству. Ты особенный, и я хочу быть с тобой!

Далась ей эта тварь. Что девчонка странноватая – это Тихон понял. Все они здесь немного не того. Каждый в своей части. Но ему-то от этого не легче! Да, Тихон, ну ты и влип! Мало, что половина из этих людей – дефективные, так у девчонки и вовсе башню снесло – готова пойти на край света за человеком, которого совершенно не знает.

Как бы переменить тему?

Тихон вдруг вспомнил, что хотел задать важный вопрос.

– А ты случайно не знаешь, кто такие скитники? Они живут где-то в Полосе?

Амина отстранилась.

– О них лучше не вспоминать. Беду накличешь.

– Почему?

– Говорят, это они насылают демонов на людей.

– И ты веришь?

– Все говорят. После войны люди там превратились в оборотней и теперь охотятся за детьми. А скитники ими управляют.

«Господи, чего только не наворотят эти суеверные люди».

В оборотней Тихон не верил и считал, что появлению странных существ наверняка есть разумное объяснение.

– Так ты знаешь, где найти скитников? Вы с ними сталкивались?

– Дядя Амантур им всегда приют давал, если они приходили в нашу деревню. Но это очень редко бывало.

– Им что-то от вас было нужно? Вы вели с ними торговлю?

– Это не торговля. Они просто нас не трогали. «Надо же! Настоящее таинственное сообщество».

Вот бы найти их. Не может быть, чтобы люди совершенно отказались от благ цивилизации. Тем более в таком недружелюбном месте, как Полоса».

– Ну, я пойду... – сказала Амина.

– Постой.

Это вырвалось как-то само собой. Ему вдруг стало жаль ее отпускать.

– Ты так и не сказала, почему хочешь уйти от своих. К тебе плохо относятся?

– Не плохо и не хорошо.

– Так почему?

Она молчала.

– Ладно, поговорим об этом завтра.

Амина две секунды постояла, раздумывая, а затем ушла.

Тихону казалось, что он продолжает чувствовать прикосновения ее рук. Конечно, зря он позволил ей воспринимать себя благодетелем и тем самым дал пустой шанс. И вообще, виноват, что не прогнал Амину сразу, едва она затеяла разговор, позволил общаться на равных. В данную минуту он ощущал себя, по меньшей мере, совратителем, сбившим девчонку с пути

истинного. Непорядочно по отношению к семье Амантура. Даже если она у них в семье всего-навсего на роли прислуги. Да и потом – он дал себе зарок не сближаться с кем-либо после того, что случилось с его семьей...

Однако было еще что-то, не позволявшее чувству вины разрастаться сверх меры.

Она сказала, что видела его глаза, когда он лежал на земле, уткнувшись носом в камни. Выходит, не одному ему померещилось. Тихон и сейчас до мельчайших подробностей мог вспомнить, как выглядят глаза Амины, когда впервые увидел их там, на развалинах, во время стычки с мутантом. Да и можно ли говорить «померещилось», если с подобным столкнулись двое? Это нечто другое – какая-то необъяснимая внутренняя связь. Такая же сверхъестественная, как чудо, защитившее его от огня.

Вернувшись на подстилку, он долго сидел, погружившись в свои мысли, но каждый раз вздрагивал, едва тишина прерывалась шорохом и тихими голосами из соседних комнат. Ждал Амантура, чтобы попросить за девчонку. На правах спасителя сына сделать для нее все, что можно, если обижают. Чтобы не пропустить хозяина, решил встретить его у лестницы. Вышел из комнаты и, нащупывая пальцами стену, добрался до коридора.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – позвал он.

Сын Амантура все так же сидел на лестнице – нес караул.

– Здесь только я, Нусуп, – откликнулся он и проворчал: – Осторожней, тут много камней на полу.

– Спасибо, – сказал Тихон. – Амантур не возвращался?

– Отец скоро придет, – ответил подросток.

– Можно я с тобой посижу?

– Пожалуйста.

Нусуп подвинулся, освобождая место рядом. Интересно, подумал Тихон, ведь паренек знает, что Амина пробыла у меня достаточно долго. И что думает об этом?

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Тринадцать.

Он хотел задать тот же вопрос про Амину, однако посчитал, что лучше спросить у нее самой. Возникшее молчание требовалось чем-нибудь заполнить, но ничего на ум не приходило. Не говорить же о погоде...

Нусуп вызывал у него противоречивые чувства. Вспомнились злые речи мальчишки при первом знакомстве, когда Амина благодарила за спасение младенца. Тогда Тихон посчитал, что Нусуп не очень-то переживал за своего младшего брата. Ревность порой не знает границ. Тихон вполне допускал мысль, что Нусуп специально завел ребятишек подальше в развалины, чтобы угроза для маленького Сармата стала более чем вероятной...

Он чувствовал напряжение, исходившее от Нусупа. И не удивился, когда тот спросил:

– Зачем Амина приходила к тебе?

– Почему это тебя должно касаться? – ответил Тихон.

– Она сирота. Отец в любой момент может выдать ее замуж за того, кто первым об этом попросит...

Чувствовалась в его фразе недосказанность. Злотников ждал, что будет дальше.

– Она просила тебя, чтобы ты взял ее в жены, – сказал паренек, даже не удосуживаясь облечь свои слова в форму вопроса.

После некоторой паузы добавил:

– Я бы на твоём месте согласился.

«Сопляк! Рассуждает тут, изображает проницательность. Или он узнал это от Амины?»

– Разве ты не знаешь, зачем нам нужны женщины? – продолжал Нусуп. – Чтобы рожали и вели хозяйство. Это тебе скажет каждый мужчина. Пока Сармат маленький, она приставлена к нему нянькой. Но на самом деле она семье не нужна. Лишний рот. Отец как-то намекал, что

неплохо бы пристроить Амину кому-нибудь. Так что бери. А то другие желающие найдутся! Она девка видная.

Тихону вдруг захотелось треснуть пацана по макушке, да побольнее. Едва сдержался. Ему послышалось, мальчишка хмыкнул.

– Не возьмешь ты, Мирбек возьмет.

Тихон вспомнил брата Амантура. Он представил их рядом – обкуренного гориллоподобного мерзавца и хрупкую Амину.

Мальчишка снова усмехнулся, правильно расценив, что за картину вообразил себе Тихон.

– Вчера Мирбек похвалялся, что грабил простачков на пристани. Слышал выстрелы? Он их не только ограбил... Знаешь, он и тебя мог сегодня убить!

Тихону показалось, что это было произнесено специально, чтобы уколоть. Да и вообще весь разговор был странным, как игра. Причем играл с ним Нусуп уверенно, словно пацану не тринадцать лет, а все тридцать и был он прожженным циником.

– Значит, говоришь, Мирбек? – сказал Тихон. – А почему именно он?

– У него старшая жена плоха стала. Он бы и сам поторопил ее на тот свет отправить, да боится нашего муллу прогневить. А как жена помрет, возьмет Амину. Может, через неделю, а то и завтра....

Их разговор прервался шумом. Кто-то спускался по лестнице.

– Отец, ты?! – крикнул Нусуп.

– Я! – прогремел в ответ голос Амантура. Спотыкаясь, он оглашал пролеты ругательствами.

– Ну, что там? – поинтересовался паренек.

– Завтра отправляемся обратно домой!

– А почему?

– Так решено! – ответил Амантур и, спустился, наконец, на площадку.

– Ты один? – спросил он сына.

– Тихон со мной.

– Тихон! – позвал Амантур.

– Я, – откликнулся Злотников.

– Мы завтра уходим на юг. Ты с нами или останешься здесь?

Тихон ответил не сразу.

– А у меня есть выбор?

Ему послышалось, что Нусуп, в ожидании ответа затаивший дыхание, снова усмехнулся.

5. Безумие ночи

И опять он ворочался и не мог уснуть. Даже когда за стеной утихли голоса родных Амантура, обеспокоенных вестью о возвращении, Тихон продолжал вслушиваться в тишину и думать о собственном положении.

После разговора с Аминой сломалась его прежняя установка, запрещавшая копаться в прошлом. Уступила натиску хлынувших мыслей. Несколько дней назад никто не мог бы сказать, что настанет конец его пустой и строго размеренной жизни. Но с того момента, когда капитан Мао застукал его в своей каюте, в жизни контрабандиста Тихона Злотникова совершился крутой поворот. Казалось бы, причина случившегося связана с родом его занятий – ведь сколь веревочке ни виться... И любой, даже самый удачливый флибустьер неизбежно терпит крах, если вовремя не отказывается от своего ремесла.

«Но что же заставило меня так сглупить?»

Сейчас, когда можно было думать об этом более спокойно и почти непредвзято, становилось ясно, что иначе как помутнением рассудка или вмешательством тайных сил объяснить случившееся невозможно. Да, он потерял осторожность. Но это лишь верхушка проблемы. Почему он допустил это? Вот где загадка, требующая взгляда внутрь себя. И чтобы понять, надо вспомнить, почему он решил заняться контрабандой и пришел к жизни такой никчемной... Вспомнить все, как бы ни сопротивлялась этому насквозь больная душа!

* * *

...Это произошло незадолго до войны. До того, как Сибирь стала яблоком раздора. Когда города ее спали спокойно, и никто не подозревал о грядущей беде...

Статистика свидетельствует, что в мире каждую минуту вершится насилие. Но это не заботит никого, пока не коснется лично.

В тот черный для Тихона Злотникова день он с женой и двумя дочерьми должен был отправиться в туристическую поездку. Но из-за плохой погоды рейс из Иркутска отменили – вылет перенесли на завтра. Пользуясь возможностью, Тихон решил, что добьет кое-какие дела на работе, чтобы по возвращении легче было войти в колею. Жена его отговаривала, как будто чуяла беду, но он настоял. Разве он мог знать, что сажая семью в такси, разговаривал с ними в последний раз?

В офисе он провел не более десяти минут, да, собственно, в офис и не заходил: оказалось, что в здании авария и отключен свет, причем надолго. Позвонил жене, но услышал лишь длинные гудки. Набрал домашний номер, и снова никто не ответил. Можно было бы позвонить соседям, но те ни с кем не поддерживали тесных отношений.

Все время, пока ехал в такси, Тихон продолжал названивать. Тревогу усилил начавшийся проливной дождь. Машины ползли медленно, и полчаса езды превратили нервы в натянутую струну. Когда подъехали к дому, тротуары едва возвышались над улицами, полными воды. Пока Тихон бежал от такси к подъезду, успел промокнуть. Вскочив на крыльцо, поднял взгляд на окна своей квартиры. И как нарочно, слетевшая с козырька струйка угодила в глаза. Он тогда пользовался контактными линзами, и те едва не уплыли. Вода обожгла, он почти ничего не видел и двери открыл вслепую. В подъезде столкнулся с двумя мужчинами, прорвался между ними, даже не извинившись. Впрочем, и они, не сказав ни слова, торопливо выскочили на улицу, где дождь навсегда скрыл их следы. Вероятно, эти двое были теми самыми людьми, лица которых Тихону следовало запомнить. Впрочем, утверждать этого он не мог ни тогда, ни тем более сейчас...

Поднявшись на свой этаж, он обнаружил дверь незапертой: сквозь тонкую щель виднелся свет в коридоре. Когда Тихон распахнул дверь, он увидел свою жену и дочерей...

Но табу на эту сцену даже сейчас, после стольких лет, невозможно было преодолеть. Вспышкой его разум выхватывал из памяти единственную деталь – светлые волосы младшей дочери, рассыпанные по полу. Тогда ему показалось, что она спит. Но почему на полу? И почему не слышит его крика?..

И с тем криком его жизнь превратилась в сплошной кошмар. А любая попытка вспомнить все заканчивалась тем же внутренним криком, от которого мутилось сознание, погружая Тихона в полуобморочное состояние. Он никак не мог простить себя за то, что в тот злополучный день убежал от семьи, предпочтя работу возможности провести время с родными. Наверное, он сумел бы защитить их...

Тех двоих, что выходили из подъезда, так и не нашли. О них ничего не было известно – кто, зачем и к кому приходили. А он даже не мог составить их фоторобот. Не попали они и в камеры видеонаблюдения, как назло не работавшие в тот день. Наиболее вероятной следствие посчитало версию, что убийцы пробрались в квартиру, подумав, что хозяева надолго уехали. А когда неожиданно вернулись из аэропорта жена и дочери Тихона, душегубы избавились от них, как от свидетелей.

И даже если бы преступников нашли, утешила бы Злотникова только их казнь. Долго он мечтал о возмездии, о том, как резал бы их по кусочкам, чтобы доставить как можно больше мучений, и умерщвлял бы медленно, бесконечно...

А потом что-то случилось. Будто лопнул нарыв, и постепенно стихающая злоба уступила место другому чувству. Нет, он по-прежнему считал, что зло должно быть наказано, однако более не стремился к отмщению. Старался осознать причины случившегося: ведь ничего не происходит в этом мире просто так, думал он. «И ненависть мне не поможет. Это я – главная причина случившегося. Это была моя семья. Я наплевал на семью и притянул беду. Значит, должен суметь пережить весь этот ужас и понять, для чего такое испытание...»

Прощение – вот чего он стал искать. Пускай те люди совершили зло – он не должен их ненавидеть. Их накажет кто-то или что-то гораздо более сильное, чем закон человеческий и человеческая же ненависть. Ведь они совершили злодеяние по отношению к самим себе, растоптали что-то в душе своей.

Не отягощаться злом стало его самоцелью. Но укрепиться в этой новой для себя идее мешало отношение друзей и сослуживцев, с которыми он делился мыслями. Он чувствовал непонимание окружающих, его считали блаженным, поскольку он отступил от извечного и строгого правила возмездия. Думали, вероятно, что он гордится своим отходом от принципа «око за око». А он не спал и рыдал ночами, в безостановочных размышлениях стремительно и в то же время мучительно избавляясь от ненависти.

Он бесконечно устал, и, может быть, перестарался, не сумел заполнить образовавшуюся пустоту. В душу начало вторгаться равнодушие к миру, к людям, которые окружали его. Он не мог жить прежней жизнью. Все вокруг казалось бесполезным, лишенным смысла. Через полгода Тихон покинул Иркутск. Планировал уехать на некоторое время куда-нибудь очень далеко, где можно дальше кормить свое одиночество и разлившуюся в душе тоску. Небольшой поселок под Архангельском стал его новым пристанищем. Может, и не случайно был выбран именно этот город, как будто Тихон подсознательно искал опоры у начальника небесного воинства, архангела Михаила, в честь которого именован был северный град, архангела, который, по преданию, должен будет призвать трубным гласом души на Страшный суд.

Домик он снял на отшибе, у самого Белого моря. Раз или два в месяц выбирался в магазин за покупками, всем видам еды предпочитая консервы. Ни с кем не общался, нигде не работал, благо позволял банковский счет, денег на котором раньше хватало на четверых, а уж на одного с лихвой. Единственными друзьями его стали собеседники виртуальные – пользователи Сети,

в разной степени страдающие агорафобией. Сбиваясь в тесные кружки сетевого общения, схожие негласными правилами с сектами, где не было места чужим, они жили в своем мирке.

А в большом мире бушевали страсти по поводу очередного глобального энергетического кризиса. Впрочем, столкновения за энергоресурсы случались и раньше, так что события предвоенного времени для многих, включая Тихона, остались незамеченными. Разве что повысилась плата за электроэнергию да продукты стали дороже. Но если бы Тихона спросили, сколько денег осталось на его счету, он бы пожал плечами и через минуту забыл о вопросе. Где-то далеко в Иркутске ждала его обставленная дорогой мебелью пустая квартира. О том, чтобы продать ее или сдать кому-либо в аренду, чтобы выручить деньги, Тихон тоже не задумывался. И он по-прежнему был одинок. Но и мысли о том, чтобы создать другую семью, не допускал...

А между тем за пределами России возникло Международное бюро по эксплуатации недр – детище робкое, но перспективное. Мировое сообщество все активнее призывало дряхлеющего «русского медведя» отказаться от прав на Сибирь. Спровоцированный извне, в столице случился переворот и почти бескровная сдача власти в угоду новому политическому и экономическому курсу. Это, безусловно, стало глобальнейшим событием. Началась череда громких убийств: избавлялись от крупных бизнесменов, владельцев гигантских корпораций, права на которые перетекали из одних рук в другие. Тихон и этого не знал. Прошла для него незамеченной ситуация вокруг нефтеносных и газоносных месторождений арктического шельфа, где до войны начали активно качать ресурсы со дна Ледовитого океана, и это оказалось проще и выгоднее, чем вкладывать средства в обустройство Сибири и Дальнего Востока. И сразу идея общемирового освоения Сибири перестала быть чисто иллюзорной и стала осуществляться на практике. С барского соизволения нового правительства России.

Весь мир наблюдал за тем, как огромную территорию за Уралом делили на протектораты и отдавали в недропользование всем, кто хотел: Европе, Штатам, Японии, Китаю. Немало досталось маленьким «азиатским тиграм», число которых значительно увеличилось. Естественно, с обязательством откупаться особым налогом в пользу Москвы. И без того избалованная, столица и вовсе обезумела от свежей порции денежных вливаний.

Но через два года среди особенно ревностных патриотов распространился слух, что история с арктическим шельфом – фикция, обман и заговор, устроенный врагами тех, кто всегда боялся сильной России и еще с конца двадцатого века намеренно подсаживал ее на сырьевую иглу, что никаких таких особенных запасов на самом деле там нет, а тех, что имеются, хватит ненадолго. Как водится в таких случаях, поднялась очередная волна ненависти всех ко всем: к коварным иноземцам, к собственному правительству, к шарлатанам ученым, в одиночестве из героев превратившимся во врагов народа. Назревали волнения и за Уралом, где отдельные округа, обеспокоенные тем, что заморские пришельцы грабят и вывозят все, что можно, а деньги рекой продолжают течь к «москалям», решили сыграть на упреждение и объявили о независимости, пока их совсем не продали в чужое владение, как в свое время поступили с Аляской...

Эти сообщения вызывали у Тихона отвращение к любой, даже политически не окрашенной вести. Отрезвление наступило, когда во время очередного его похода в супермаркет на толпу покупателей с гигантского, во всю стену, экрана обрушилось известие, что против армии генерала Маслова под Иркутском были применены нейтронные бомбы малого радиуса действия. Злотников не имел ни малейшего представления о том, кто такой генерал Маслов, хотя люди активно обсуждали эту новость, а после начали сметать с полок все подряд.

Его поразило упоминание об Иркутске.

Так ничего и не купив, обратно к компьютеру он помчался с желанием восполнить тот информационный вакуум, который образовался за эти молниеносно прошедшие месяцы одиночества.

Так, с опозданием Тихон узнал, что происходит в мире. Роясь в устаревших сообщениях Сети, он читал про перевороты и про дележ собственности и ресурсов, про БЭН и его место в изменившемся миропорядке. А через три дня, спровоцированный чьей-то безумной выходкой, ядерный шторм пронесся по всей Сибири. Те, кто не успели покинуть свои города, оказались в роли заложников, которым предстояло умереть вместе с захватчиками.

Схлопнулась экономика и кончились деньги. Тихон пытался искать работу, но постоянной не находил. Домик пришлось оставить и сменить на комнатуху. А вскоре он распрощался и с компьютером, однажды сломавшимся без надежды на замену. Полуголодный, как и миллионы соотечественников, он пережил первый год. Верхушки пытались что-то решать, но, как всегда, за счет собственного народа. Правительства менялись одно за другим, пока, наконец, не выдали «на гора» идею о том, что правильнее будет обустроить Россию в ее европейских границах, чем пытаться вернуть навсегда утраченное.

С глаз долой, из сердца вон. Жизнь в стране, урезанной до территории времен Ивана Грозного, потихоньку стала налаживаться. Но душой Тихон был ТАМ, – где была его родина, которую предали те, кто издавна считал, что Сибирь и Дальний Восток – это не Россия, а так, придаток, с которого можно кормиться.

Контроль над территориями за Уралом прибрало в свои руки Бюро эксплуатации недр. Цивилизованная вроде бы структура, с подразделениями во всех вполне цивилизованных государствах. Корпорация, состоящая из отдельных людей, каждый из которых мог считаться милым, порядочным человеком. Но в совокупности эти тысячи милых порядочных людей образовывали чудовищную и бесчеловечную машину по нещадному извлечению ресурсов.

Не дожидаясь, когда спадет радиационный фон, БЭН объявило свои территории зоной свободной добычи и начало набор волонтеров. Тихон без сомнений отправился в контору по найму. Перемена образа жизни сулила возможность вернуться на родину. Тогда он еще не понимал, что возвращаться-то, собственно, некуда...

Так как в нем всегда жива была техническая жилка, он записался на краткосрочные курсы наладчиков шахтного оборудования. Правда, обязательство отработать перед компанией положенный по контракту срок не давало возможности жить по своему усмотрению. Три года он отпахал на восстановленных и вновь открываемых шахтах. Каждую неделю приличная сумма ложилась на счет, но куда тратить деньги, он не задумывался. Работать приходилось в суровых, подчас жесточайших условиях. Постепенно, как подсознательное стремление к смерти, рождалась в нем жажда риска. Это позволяло забыть, целиком отдаться своему делу. И он уже не представлял, что можно где-то найти другую работу. Среди собратьев по труду он искал таких же одиноких волков, как сам. Постепенно их собралась дружная бригада, готовая перемещаться от места к месту, куда позовут новые хозяева. Им часто поручали опасную работу в шахтах, где были особенно сильны скопления метана и малейшая искра могла привести к непоправимым последствиям. Первыми они оценивали результаты своего труда, называли себя смертниками и, спускаясь в самую преисподнюю, смеялись над теми, кто трясся за собственные жизни. Над теми, кто мечтал живым и невредимым вернуться в большой мир. В свой дом. К родным и близким. У смертников ничего этого не было. В какой-то мере это и сыграло с ними злую шутку в Якутии, где срочно понадобилось запускать брошенные в войну рудники. Тамошние владельцы предоставили дешевое и бракованное оборудование, и бригаду фактически отправили на верную смерть. Они не нужны были сытому миру, отъевшемуся падали с тела поверженного гиганта. В крайнем случае огорчатся страховые компании, выплачивая внушительные суммы, которые по смерти застрахованного, если у него нет наследников, должны достаться нанимателям – так хитро было прописано в договорах у большинства из членов бригады Тихона. Никто, естественно, под лупой эти договоры не изучал.

После взрыва метана они попали под завал – крепи шахты проявили все свое коварство. Из тридцати человек выжило двое: Тихон да Алекс Эджерсон, дружок-иноземец. Три года

они проработали рука об руку. И только двое выбрались из заварушки почти невредимыми. Несколько царапин да шок от обезвоживания не в счет.

В этом Тихон увидел знак. Судьба хранила его для чего-то большего.

Но даже после случившегося речи не шло о возвращении в ставшую чужой для него новую Россию, за несколько лет съжившуюся до границ шестнадцатого века. Он считал себя русским, но той России, которую он любил и помнил, больше не существовало. Его родная земля была Сибирь. Когда-то русская, а теперь непонятно чья. Больная от нанесенных ран, но все такая же огромная и суровая.

После счастливого спасения Тихон покончил с рудниками, благо контракт истек, пока он лежал в больнице. Решил сменить профессию и нанялся на «Берту» – судно, курсирующее от Ледовитого океана через северо-западные границы Братской Резервации к юго-восточным – по Енисею, Ангаре, рекам помельче, не боясь ни порогов, ни льда, совершая безумные порой вылазки в труднодоступные места. Когда капитан Мао подрядился на каботажные рейды в заливах Карского моря, Тихон завел в портах знакомства и решил заняться контрабандой, благо скопилась умопомрачительная сумма, которую он пустил на рискованное дело помощи партизанам, добивавшимся самоопределения сибирских территорий. Так что вовсе не деньги были самоцелью. Опасность – вот что привлекало Тихона. С некоторых пор она стала его новым кумиром.

В конечном итоге дело закончилось поражением...

* * *

Так, постепенно, воспоминание за воспоминанием, промелькнула перед ним прошлая жизнь. Она разделилась на две части, существовавшие отдельно, независимо друг от друга. В первой и главной у него была семья. С теплотой он вспоминал те далекие, навсегда ушедшие в небытие времена, когда мог считать себя абсолютно счастливым человеком, о чем *тогда* и не подозревал даже.

Нынешнее свое существование, когда главным побудительным мотивом стал беспрестанный поиск места в изменившейся реальности, Тихон считал явлением временным. Надеялся, что судьба рано или поздно выкинет его к новому берегу, и начнется другая часть жизни, где он тоже будет счастлив. Но как-то по-другому, не так, как раньше.

И вот новая черта, которую он перешел. Не то ли это событие, которого он так ждал? Случайно ли оказался в лагере поселенцев? Нет, в случайности он давно не верил. Значит, это очередная перемена. Поселенцы собираются двинуться на юго-восток по дороге, когда-то ведущей в Иркутск. Вчера утром в приступе малодушия он намерен был идти в Полосу. Человек в Братске говорил о скитниках, живущих в Полосе. Бывают ли такие совпадения?..

И отказаться от предложения Амантура значит бежать от судьбы.

«Нет, я отправлюсь завтра вместе с поселенцами, а там и в Иркутск. Хотя бы для того, чтобы узнать – кто же такие скитники? И что же это за треклятое место – Полоса, что поглотила мой родной город?»

* * *

Он дернулся и пробудился от непроизвольного движения. Понял, что заснул. В комнате стояла тишина. Однако Тихон испытал странное, знакомое ощущение чего-то грядущего, несколько позабытое: с подобным он сталкивался, когда работал в рудниках, смиренно полагаясь на тех своенравных коней, которые, как он верил, куда-нибудь да вывезут. И вот сейчас опять пророняло.

Он лежал, не шевелясь, затаив дыхание, и напряженно вслушивался. Мог уловить даже слабые звуки. Нужно только уметь отличать их от стука собственного сердца и шума крови в голове. Вот в углу прошуршала мышь. Закапала вода наверху.

Нет, не наверху!

И не вода это вовсе, а какой-то клекот наподобие птичьего.

Звук исходил с улицы, прямо из-под окон комнаты. Прежде чем выглянуть, Тихон достал очки. На улице заметно посветлело. Высоко поднявшаяся луна выглядывала из-за туч. Тяжелые, они быстро двигались по небу, подгоняемые ветром. Снова раздался клекот, и Тихон, как ему показалось, четко определил направление. Всмотревшись в промежуток между развалинами двух домов, какое-то время ничего не видел, кроме нагромождения камней. Но вот клекот повторился, и снова, как в прошлый раз, в лунном пейзаже проступили смутные очертания двуногого существа. Не понадобилось бинокля, чтобы разглядеть албасту, как его (или ее?) называли поселенцы.

Существо двигалось медленно, время от времени останавливаясь, и в тот же миг вновь раздавался клекот. Такой негромкий, что Тихон засомневался: мог ли в самом деле этот звук его разбудить или это сработало предчувствие?

Послышался клекот с другой стороны. После короткого ожидания у соседнего здания Тихон увидел еще одного демона. Похоже, твари действовали заодно. Осторожничая, вместе они сошлись на углу и через пустырь направились напрямик в направлении дома, в окне которого стоял Тихон. Можно было спугнуть их, запустив какой-нибудь предмет. Но промешкал: пока раздумывал, существа приблизились и нырнули в окно, находившееся почти точно под его комнатой.

Тихон выбрался в коридор, а оттуда – на лестницу. На площадке увидел силуэты Нусупа и Амантура. Оба дремали. Хотел разбудить их, но вновь раздавшийся клекот заставил замереть и прислушаться. Звуки шли с фасадной стороны дома. Это означало, что тварей не две, а больше, и они переговаривались меж собой.

Беспечные сторожа ничего не слышали. Разбудить их? Но вряд ли они проснутся тихо. Обязательно последуют возгласы вроде «А?!», «Что?!», «Да мы не спим!». А он не хотел спугнуть тварей. Сейчас его толкало вперед проснувшееся любопытство. Хотелось понаблюдать за этими существами и, если понадобится, подпустить как можно ближе.

«Тревогу поднять всегда успею!»

По лестнице он спустился на этаж ниже, остановился перед заколоченным щитом, закрывавшим проход на этажи, где расположились поселенцы. Ему показалось, что точно напротив, за щитом он слышит шорохи. Что-то заскреблось по деревяшкам. И вдруг щит дрогнул (и Тихон вместе с ним), будто кто-то пытался сорвать заплот. Но дерево оказалось крепким. Новых попыток тварь не предпринимала, все стихло. Почти не дыша, Тихон прильнул к щели, но если существо и пряталось только что за преградой, то сейчас никого там не оказалось. Тихон скосил взгляд вправо, влево, посмотрел вниз, куда уходил пролет, ведущий к выходу из подъезда. Пусто. А сюда им так просто не попасть.

Тихон собрался пойти наверх, как вдруг снова услышал клекот. Близко – за подъездным окном. Он подкрался к проему и увидел тварь.

Существо замерло, уставившись вверх, как будто знало, что сейчас увидит человека. Лунный свет позволял разглядеть силуэт с длинными, почти до колен, руками. В прошлый раз Тихон хорошо запомнил острия их когтей и порождающую огонь силу одного из этих существ.

«Врешь, на этот раз я не попадусь!»

Все же стоило предупредить Амантура. Что, если албасты не передумали завладеть младенцем? Но он не мог отойти от окна. Как замороженный, Тихон смотрел на тварь, а та вдруг, словно желая продемонстрировать свои способности, изогнулась, готовясь к прыжку. И не успел он отступить, как албаста, присев на мгновение, выстрелила в его сторону всем

телом. Взметнувшись вверх, существо раскинуло конечности, вцепилось в нижний край проема, используя силу когтистых лап. Доли секунды потребовались на то, чтобы оказаться рядом с Тихоном.

«От такой прыгучести не спасут никакие щиты!» – эта мысль пронеслась в голове в то мгновение, как тварь набросилась на него и повалила на пол. Резкий запах шерсти ударил в нос – такой же мерзкий, как у мешковины. Тихон захрипел, пытаясь сбросить с себя существо. Рукою шарил по полу, выискивая хоть что-нибудь, чем можно было отбиться. Нашупал вроде что-то. Но ударить не сумел: сильные когти албасты дотянулись до шеи. Что-то теплое хлынуло из-под ключицы, потекло по коже, за ворот. Понимая, что это кровь, он застонал и... проснулся.

* * *

Поняв, что это был сон, Тихон с шумом выдохнул. Волна страха, усиленная воображением, постепенно сходила. Он ошупал шею. Оказалось, что твердый стебель в мешковине колот кожу, вот и привиделись когти. От нее же, от мешковины, и вонь. Тихон сорвал ее с себя, и вдруг услышал тот самый звук, что причудился во сне.

Клекот!

Это повторение казалось невозможным, но он опять проделал тот же путь к окну, что и во сне. Высунувшись, увидел демонов. Только сейчас они не крались к дому, а убегали от него. Их было трое – серебристые в лунном свете фигуры двигались по направлению к соседним развалинам. Одно из существ бежало медленнее остальных, что-то держа в руках.

Младенец!

Не боясь быть услышанным, Тихон ломанулся в коридор.

– Амантур! Проверь, где твой сын!

– Нусуп? – воскликнул Амантур, но, увидев, что мальчишка здесь, тут же сообразил: – Сармат! Где он?

Тихон уже мчался по лестнице, перепрыгивая через две-три ступени. Очутившись внизу, остановился перед щитом – как и во сне, целым. Значит, албасты действительно способны высоко прыгать и никакие изощренные методы поселенцев их не могут остановить! Он толкнул щит, рванул на себя, снова толкнул, рванул, и так несколько раз, пока не выломал доску и освободил достаточный для себя проход. По коридорам первого этажа перебежал на другую сторону дома и выпрыгнул на улицу. Мгновения хватило на то, чтобы увидеть ссутуленные силуэты, почти сразу исчезнувшие в глухой тени между домами. Тихон побежал за ними через заваленный обломками пустырь, перепрыгивая рытвины, каменистые кучи.

Пространство между домами казалось безжизненным. Голоса людей остались за спиной. Впереди – полумрак и тишина. Однако, постояв какое-то время не шелохнувшись, Тихон вновь услышал клекот. В доме справа. Схватил с земли камень и нырнул в проем ближайшего окна. Снова остановился, крепко сжимая булыжник, готовый в любое мгновение ударить, если тварь вознамерится напасть.

Снова клекот. Демоны словно предупреждали друг друга о преследовании, но при этом не торопились, как будто не воспринимали человека как серьезную угрозу. Из троих тварей следовало выбрать именно ту, которая несла в своих лапах ребенка. Для этого пришлось пересечь развалины. Блуждая по лабиринтам комнат, Тихон, наконец, выбрался на противоположную сторону. Слабый свет пробуждавшейся зари позволял разглядеть отпечатки лап, ведущих по пыльной дорожке к разломанной крыше небольшого дома, который почти целиком утопал в обломках соседних зданий. Сгнившие стропила прогибались, когда Тихон зашагал по крыше, видя перед собой зияющий пролом. Он уверен был, что тварь скрылась именно там. Очутившись в темноте, осмотрелся. Было как-то подозрительно тихо. Он рассчитывал, что хотя бы

ребенок заплачет, но тот, по всей видимости, уже был мертв или тварь умела заставить младенца молчать.

– Где ты прячешься?! Выходи! – крикнул Тихон.

«Уходи!.. Уходи!» – несколько раз визгливо ответило эхо.

Неприятное ощущение выплыло из тьмы подсознания – предчувствие, какого он раньше не испытывал. И Тихон более не сомневался: тварь здесь. Он решил, что пока не обследует все четыре угла крыши, отсюда не уйдет.

Но в темноте он не мог чувствовать себя уверенно. Прежде чем сделать очередной шаг, ногой проверял прочность перекрытий. Двигаясь по периметру крыши, периодически замирал и вслушивался, затем продолжал красться.

Неожиданно резкое колыхание воздуха заставило его отпрянуть. Что-то темное метнулось навстречу и скользнуло мимо. Тихон развернулся, но неосторожно. Нога ухнула в пустоту. Раскинув руки, он выронил камень, но, падая, сумел почувствовать и схватиться за какой-то трос. Тонкие стальные проволоочки, из которых тот был свит, растрепались от ржавчины и впились в ладони, разрывая кожу. Стиснув зубы от дикой боли, Тихон все же сумел остановить скольжение.

Он висел, слыша, как снизу долетают всплески падающего в воду мусора. Спасительный пролом вверху казался недосягаемым. Тихон осмотрелся, но невозможно было хоть что-то разглядеть в той черноте, что окружала его. Только в самом низу едва угадывалась рябь встревоженной воды.

Отпустить руки и нырнуть? Но если там глубоко, можно оказаться в ловушке, в глубоком каменном мешке. А если мелко и торчит арматура, тогда вовсе конец.

И он стал карабкаться вверх. Громко стонал, не сдерживая себя – так легче было переносить боль от множества впивающихся игл. Дыра в промежутке между перекрытиями становилась светлее, но все еще оставалась бесконечно далекой. Передохнув, Тихон снова глянул вниз: рябь успокоилась, и на поверхности воды возник зыбко дрожащий прямоугольник. Вдруг тень перегородила часть отражения. Испугавшись, Тихон задрал голову и увидел над собой голову и плечи. Ему показалось, что это Амантур или кто-то из его людей. Падающий из-за спины человека предупредительный свет не позволял разглядеть лица.

– Помоги! – крикнул он. – Сам я не справлюсь.

Силуэт ответил ему клетотом.

Похолодев, Тихон забыл на миг о боли и крепче вцепился в трос. Он ожидал, что тварь применит свой изощренный метод наведения страха. Но она как будто старательно изучала его, не предпринимая никаких действий.

Неожиданно трос задрожал, завибрировал, и Тихон, дрожа не столько от страха, сколько от невыносимой боли в руках, смирился с тем, что сейчас упадет. Но боль вдруг отступила, а вместе с ней в его тело начала втекать сила. Собственный вес показался ничтожным. Не веря случившемуся, он сделал робкую попытку подтянуться. И понял, что доберется до пролома в два счета. Если бы не тварь...

Внезапно он осознал, что его сила не могла взяться из пустоты. Именно тварь и помогала ему сейчас! Но для чего?

Чтобы насладиться своим могуществом, а потом добить?

– Не дожدهшься! – рыкнул Злотников.

Он готов был разжать руки, упасть вниз, а там будь, что будет. Но не мог этого сделать. Создалось впечатление, что его ладони прилипли к режущей поверхности, и даже если бы он хотел отцепиться, то не сумел бы преодолеть чужую силу, что сдавливала ладони, с силой прижимала их к тросу.

Гневный клетот заставил его снова взглянуть на тварь, и по ее горящим глазам он понял, что лезть наверх ему придется даже против собственной воли.

Он вынужден был сдаться. И сразу движения вверх дались легко и свободно. Перебравшись через пролом, Тихон отполз подальше от дыры и устало развалился, на миг позабыв о твари. А когда вспомнил – перевернулся, чтобы встретить смерть лицом к лицу. Демон с серебристой шерстью возвышался над ним, пугая своей схожестью с человеком.

– Кто же ты?! – прошептал Тихон.

Он увидел, как необычно засветилось лицо твари, будто подсвеченное со стороны, позволяя, наконец, убедиться, что нет в нем ничего пугающего. Это было похоже на то, как в кино подсвечивают лампами лица актеров, когда желают подчеркнуть выразительность момента. Но это не было кино, да и посторонний свет отсутствовал. А между тем лицо и глаза албасты светились изнутри – теплом и добротой, казавшейся невероятной после того, что он узнал об этих существах. И в особенности после того, как одно из них пыталось его сжечь заживо.

Существо вдруг протянуло к нему свою когтистую лапу и произнесло странный горловой звук:

– Пер-р-руачь...

– Что?

Злотников нахмурился, силясь понять произнесенное.

– Пер-р-руачь... – повторило существо и показало лапой куда-то в сторону.

Тихон взглянул в указанном направлении и увидел лежащего на куче мусора младенца, которого тварь оставила, чтобы спасти его, Тихона Злотникова.

«Я должен забрать ребенка!»

Кажется, он произнес это вслух. Желание забиться в угол исчезло. Он двинулся вперед. Но тут стены и потолок зашевелились, со всех сторон послышался гневный шелест, и Тихон увидел, что все вокруг облеплено существами, похожими на мелких черных птиц. Все они вдруг бросились на него, решив ни за что не позволить взять ребенка. Посыпались градом удары их клювов. Попятившись, Тихон снова ухнул в пустоту. Но теперь он будто летел по длинному коридору, в конце которого сиял чудный розовый свет. Тихон летел все быстрее и быстрее, задохнулся в испуге, когда тоннель неожиданно кончился, и перед ним распахнулось огромное пространство, сплошь залитое светом восходящего солнца.

Он закричал...

...И опять проснулся. Но ощущение падения на сей раз не обмануло. Он лежал не на подстилке, а под самым окном, на полу. Как будто упал с подоконника. Повернув голову, Тихон увидел за окном облака, окрашенные в розовый свет.

Услышав шаги, поднял взгляд. Перед ним стояла Амина.

– Что случилось?!

– Дурной сон, – прохрипел Тихон и отер ладонью лицо. – Да не один...

– У тебя кровь!

Он опустил взгляд и увидел, что на ладонях проступили красные пятнышки, как будто сотни иголок вонзились, оставив мелкие кровоточащие ранки. И правда, лишь иглы или тонкие жесткие проволоочки могли оставить такие отметины. Или металлический ворс на ржавом тресе...

Но ведь это был всего лишь сон!..

6. Скрип колеса

Подробности ночного кошмара отступили перед хлопотами начавшегося утра. Поход к Полосе требовал основательных сборов. Тихон принял активное участие в подготовке к переходу.

Повозки поселенцев, которые он осмотрел по просьбе Амантура, оказались древними полусгнившими автомобилями, предусмотрительно укрытыми в соседних развалинах. Естественно, на лошадином ходу. В этих местах, где топливо на вес золота, другой вариант и представить невозможно. Повозки являли собой жалкое зрелище. Не верилось, что десятилетия назад все они блистали дорогой новизной. Для максимального облегчения, с машин было снято все, что только можно – двери, стекла, обшивка, капоты. Местом для возницы служил пустой моторный отсек.

Вместе они обошли все повозки, чтобы Тихон, на правах опытного технаря, проверил их состояние. Он заметил, что поселенцы не слишком заботливо относились к своей технике. Только на нескольких повозках стояли одинаковые колеса. На большинстве – разномастные, каким-то чудом подошедшие от других машин. Воздух в шинах держался на честном слове, а учитывая состояние разрушенных дорог и старость резины, вероятность лишиться покрышек была достаточно велика. Инструмента мало, а какой оставался, за ним не следили.

«Нет, все бесполезно», – думал Тихон, перебирая то небольшое, что можно было использовать в деле – несколько ключей, отверток, ножовку по металлу без полотна. Но где ж его взять теперь, хороший инструмент? А лучше – настоящие автомобили вместо этих колымаг. Пусть самые дешевые, самые простые. Отменить девятую поправку? Да только БЭН никогда не позволит. Это означало бы, что в Резервации начнет возрождаться жизнь. А этого им не нужно. В Резервации нет даже кузниц. Гвозди на вес золота, но их хотя бы можно добыть в развалинах. А вот у лошадей вместо подков – у одних сандалии из соломы, у других что-то вроде сапог из грубой кожи. Даже не Средневековье это, а какая-то пародия на первобытный строй...

И все же, рассматривая эти карикатурные, но в данном случае весьма практичные транспортные средства, Тихон подивился умелой работе, невозможной без использования специнструмента – приварить к рамам крепления, предназначавшиеся для упряжи, или насверлить нужные отверстия под болты. Едва ли мог найтись мастер, сумевший обойтись в этом деле без электричества. А где его здесь взять, электричество? Технарская жилка заставила Тихона поинтересоваться – какой искусник переделывал машины под повозки?

– Был у нас один малый, – ответил Амантур. – Отец Амины, между прочим, сестры моей двоюродной муж. Колядой себя звал. Он в железе толк знал. У нас дома генератор его руками сделанный. Там электричество. И свет в домах.

Естественно, Тихон посчитал его слова розыгрышем.

– Врешь!.. – не удержался он.

– Раньше работал, – признался Амантур. – Вообще-то Коляда хороший человек был, только слабый и никчемный. Совсем пропащий.

– Почему же?

– Не мужчина. Даже барана зарезать не мог.

– Это такая доблесть?

Амантур воспринял его вопрос, как вызов.

– А ты, Тихон, как я погляжу, из той же породы. Букашник! Рук не замараешь, если речь о животине пойдет, верно?! А кашу с мясом вчера, небось, трескал?!

На этот аргумент Тихону ответить было нечего. Он и не особо обиделся, глядя на кривую ухмылку Амантура, довольного своей отповедью. Даже рассмеялся в ответ:

– Ладно, уел! Расскажи лучше, что с вашим мастером стало.

– А чего рассказывать. Не свой он был для нас. Ни по вере, ни по жизни. Он прибил к нам тяжелый, больной. Мы выходили его. А он в благодарность придумал для нас электричество. Своими мечтами жил. Всего того, что мы имеем, ему казалось недостаточно. Вас, русских, не понять. Вроде: живи, как есть, коли голова на плечах и руки из того места растут. Но нет, все хотите чего-то большего. А если не получается – так хоть сдохни. Или пей без конца. Наш Коляда перебродивший кумыс любым напиткам предпочитал. А уж если бражки где раздобудет, так и вовсе праздник. Когда сестра моя померла, после нее он на других баб даже не смотрел – ну разве это мужик? Все с железками своими возился, пока от пьянства не помер. И никакого приданного дочери не оставил. А что в наше время эти железки?!

Амантуру, видно, не с кем было поговорить по душам. И он продолжил изливать наболевшее:

– Нусуп, когда подрастал, все крутился возле Коляды, но я не позволил! Заметил первый раз, по-хорошему поговорил. Другой раз поколотил легонько, а когда снова застукал с ним, избил чуть не до смерти. Так только и отвадил. Как отец меня учил: уж лучше вообще без машин и без механизмов разных, чем позволить шайтану властвовать над людьми!..

Слушая его рассказ и думая о неведомом ему Коляде, Тихон заочно испытывал к этому человеку симпатию. Рухнувший мир оставил после себя множество вещей. И нужно иметь смекалку, трудолюбие, чтобы из этих остатков сотворить что-то полезное для себя и других. Нелегко такому человеку в обществе, где главная ценность – сила и нахрапистость, умение зарезать барана, но не интеллект и живость мысли. В обществе, где тот, кто по праву своего разума должен считаться человеком уважаемым и достойным, а слывет юродивым недотепой. Вдобавок ко всему, так и остался механик без продолжателя своего дела. Потому, наверное, и спился. А в итоге – в убытке сами поселенцы. Через какое-то время все, что создал Коляда, придет в негодность. И на чем эти идиоты будут возить свои тюки? Но, конечно, прикрываясь именем бога, трудно согласиться с тем, что путь этот ведет в никуда. Назад к шатрам и шалашам, к непроглядной тьме невежества. Разве не так жили когда-то твои предки, Амантур?..

– А сейчас разве не шайтан властвует? – спросил Тихон.

– Я не сказал, что и сейчас так считаю. Сомневаюсь я. В сурах сказано про железо – в нем сильное зло и польза для людей. А где железо, там и техника. Она должна служить добру и хорошим людям. А если не так, то лучше совсем без нее. Вот ты скажи мне: разве можно безбожникам давать то, чего они не достойны? Не за то ли наказал нас Аллах, что отступили от его имени?

– Нехорошо, когда знания в помощь подлецам, – согласился Тихон. – Но и такая жизнь – тупик.

Амантур вздохнул и, посмотрев на Злотникова, хитро прищурился.

– Коляда был хороший мастер, классный. Так, может быть, ты, Тихон, для того и появился здесь, чтобы занять его место? Моя мать сказала, что ты ниспослан нам Аллахом. Старуха, знает, что говорит. Ты умнее любого из нас. Я и это признаю! Если кто посмеет тебя обидеть, клянусь, я выпущу ему кишки!

– Даже если это будет твой брат?!

Амантур напрягся, но смолчал.

– Не надо никому кишки выпускать. Пока я с вами, – ответил Злотников, – но вовсе не потому, что этого хочется тебе.

Судя по взгляду Амантура, его это признание удовлетворило.

* * *

Ответ на вопрос, почему Амантур и его родичи избрали местом своего жительства самый неуютный в Резервации район, более других пострадавший в войну, лежал на поверхности.

После войны эти места с буйно растущими на радиации травами облюбовали скотоводы, потянувшиеся сюда из многих краев. Их не остановили даже скалы, изуродовавшие местность вскоре после бомбардировок и преграждавшие водный и сухопутный путь. Причиной появления скал, как объясняла народная молва, стало ближайшее по времени сильное землетрясение, что и раньше не считалось редкостью для Прибайкалья. Взрывы потревожили земную кору, вот она и откликнулась естественным образом. Стремительная Ангара в верховьях своих теперь изобиловала порогами, местами резко меняла направление, а ее бурные потоки оказывались не по зубам ни одному судну. И федералы редко заглядывали сюда.

Новое для себя Тихон узнал и о Полосе. О ней говорили, как о местности, однако правильное оказалось считать Полосу туманным образованием. Амантур похвастался, что однажды видел у кого-то затертую спутниковую фотографию, сделанную в похожие летние дни, когда над территорией Прибайкалья властвовал обширный антициклон. Ни единого облака над землей и только у южной оконечности Байкала будто провели окунутой в белое кистью и жирно замазали все, что находилось на территории больше трехсот километров длиной и почти в сотню шириной. Это был, конечно, неровный прямоугольник, и он не имел четких углов и границ, но название – Полоса – просто само напрашивалось.

– А что говорят власти?

– Говорят, жить там нельзя, – отмахнулся Амантур. – но запрещать не запрещают. А по мне, так от нее одна польза – радоваться надо, что из-за Полосы к нам сюда орды китайцев не нагрянули!

– А что, через нее нельзя пройти?

– С ума сошел? Никто по доброй воле не осмелится проникнуть в Полосу.

– Почему? – не унимался Тихон.

– Многие, кто в ту сторону уходил, навсегда пропадали. А если кому повезло вернуться, умирали вскорости. Они как покойники становились!.. Если ты собираешься туда, я тебе не советую.

– А скитники? Живут ведь они там.

Амантур нахмурился.

– Да, скитники живут. Только я иногда сомневаюсь, что они люди. Их колдунами кличут. Если неприятностей не хочешь, без нужды про них лучше не вспоминай и при наших не говори! Я тебя предупредил!.. Да, они могут жить там, но почему – знать не знаю, и врать не буду.

После этой беседы Тихон еще больше утвердился в своем желании дойти до Полосы, а если повезет, то и проникнуть в Иркутск. Этот город манил его не только тем, что там была его родина, но и своей загадочной недоступностью. Подталкивало его и появившееся после стычки с демоном необъяснимое ощущение, что он обязан отправиться туда, откуда приходят эти странные твари – албасты. И где живут неведомые скитники.

Безумная идея: выйти на скитников и наладить личный контрабандный канал – отступила. Теперь Злотников нуждался в большем. Как будто в этом была воля судьбы – узнать то, чего почти никто не знает. Даже Амантур и его семья, прожившие рядом с Полосой несколько лет.

Из дальнейшего объяснения Амантура он понял, что официально наличие там постоянных туманов и дымки объяснялось открывшейся после войны вулканической деятельностью и обильным рождением гейзеров. Кто-то даже заявлял, что это, мол, так поднимается пар от кипящей на дне Байкала воды. Но теории, коим благоволили власти, не давали ответа на вопрос: откуда у этой дымки такая редкая стойкость к сохранению определенной формы? Так что о Полосе и ее аномальности ходили бесконечные слухи.

Естественно, из границ, подконтрольных БЭН, выпадали не только территории, что прятала в себе Полоса, но и та зона отчуждения, где прозрачность атмосферы была недостаточно

высока. И обитавшие там люди, например, скитники или партизаны, зализывавшие раны после стычек с федералами, предпочитали не афишировать этого. Как понял Тихон, Амантуру с семьей потому и жилось там вольготнее, что они, видно, сумели найти общий язык со скитниками и партизанами, а то обстоятельство, что радиация близ Полосы выше нормы, их совершенно не пугало.

Тихон и раньше знал, что для властей Братской Резервации южная ее часть была как кость в горле, «бэновцы» избегали появляться здесь лишним раз без особой необходимости. Главные ресурсы – нефть, газ – в основном сосредоточились на севере, а с южан, кроме мяса и шерсти, брать было нечего, даже лес предпочитали добывать не южнее окрестностей Братска. А здесь по рекам курсировали торговые суда, которые партизаны изредка подаивали, но никогда серьезно не обижали, а вот федеральный катер с большой вероятностью мог получить пробоину, если из тихого прибрежного леса по нему вдруг долбанут гранатометным залпом.

Но сейчас время другое, рассуждал Тихон. В южном секторе Резервации ввели эмбарго – значит, за недовольных режимом намерены взяться серьезно. Неважно, против активно действующих отрядов партизан или против неведомых скитников. Отнять прикормленные места, заставить местное население потуже затянуть пояса, что, вполне естественно, отразится и на жизни повстанцев. С этого момента нигде не будет спокойно. И вероятность попасть между жерновами БЭН и партизан высока.

Очевидно, по этой причине поселенцы не могли прийти к единому мнению – возвращаться на юг, или нет. Потому и заседали вчера так долго, жаловался Амантур. Одни лелеяли призрачную надежду, что в БЭН все же решат проявить милосердие к беженцам, пришлют суда и объявят всеобщую эвакуацию. Другая часть поселенцев, к которой присоединился Амантур, упирала на то, что разумнее полагаться только на себя и вернуться в знакомое, удобное место.

Была у поселенцев и другая причина для возвращения домой. Прежде чем идти сюда, они избавились от части овец и лошадей, навялили десятки мешков мяса, наготовили шерсти, собираясь превратить их в деньги по прибытии на новое место. Все это добро было припрятано где-то в укромном месте. В конечном итоге удалось переубедить сомневающихся – пока никто чужой не знает о существовании столь драгоценного груза, лучше вернуться с ним назад.

* * *

Сборы, наконец, были закончены. Амантур предложил Тихону ехать с ним в одной повозке. Пока Тихон занимал место, ему вновь показалось, что кто-то наблюдает за ним. Обернувшись, он увидел Мирбека, сидевшего в кузове небольшого грузовика, в который была впряжена тройка рослых коней. Гигант устало облокотился на борт и смотрел на Тихона. Взгляд его казался пустым и бессмысленным, будто после вчерашнего он все еще пребывал в прострации. Но Злотников был уверен, что причина неприятных ощущений именно Мирбек. Как если бы тот источал направленное в его сторону зло.

Внезапно пришло это ощущение, но так же резко и схлынуло, напомнив о вчерашнем случае, когда он спиной почувствовал, что на него из окна смотрит Амина. Подумав о ней, Тихон резко обернулся и в толпе собирающихся поселенцев увидел девчонку. Амина садилась в соседнюю повозку, но Тихон готов был поклясться, что секунду назад тоже ощутил на себе ее взгляд, правда, не такой жгуче ледяной, как у Мирбека...

* * *

Вытянувшаяся двумя рядами колонна выступила из города на старое шоссе, уходившее к юго-востоку. Сквозь асфальт давно проросли кусты, и лошадям приходилось старательно их

объезжать, из-за чего повозки на каждом вираже душераздирающе скрипели. Погода портилась. Стало холодно, недавно взошедшее солнце спряталось за густыми тучами.

– Похоже, снег будет! – заметил Амантур.

Ветер крепчал, порывами налетал с севера, насквозь простреливая салон, но не было стекол в повозках, чтобы сдержат его порывы. Он ударял в лица людей, трепал волосы и ясно давал понять, что будет только усиливаться. А мрачное небо словно решало: освободиться от тяжелого бремени сейчас или немного погодить. Вскоре появились редкие снежинки, непослушные и сумасшедшие, они носились вокруг, набиваясь в компанию к дорожной пыли, которая собиралась в подобия маленьких смерчей, изредка захлестывала внутрь повозки, заставляя жмуриться.

Тихон последовал примеру остальных: руки спрятал в рукава и спустился как можно ниже края пустого оконного проема – так удары ветра меньше доставали. Он закрыл глаза и думал – не о себе, а почему-то о несчастной лошади, которая недовольно всхрапывала и дергалась, когда ветер швырял с дороги очередную пригоршню песка, и тогда сильными ударами хлыста возница поправлял ход.

В момент затишья вновь можно было сесть ровно. Тихон заметил, что их повозка поравнялась с той, где ехала Амина. Он полуобернулся, рассматривая девушку с удвоенным интересом. Наверное, рассказ о мастере Коляде так подействовал. Теперь он узнал и другую причину желания Амины вырваться из привычного круга, лишь бы не оставаться с людьми, которые не особенно уважительно относились к ее отцу.

Заметив, кого так пристально разглядывает Тихон, Амантур вырвал Тихона из раздумий удивленным возгласом:

– Послуша-а-ай! Так тебе нравится девчонка?!. Забирай!

– Не понял, – произнес Тихон.

– А чего тут понимать. Ты мужик. Тебе нужна женщина. И я от лишнего рта избавлюсь. Рахат уж сама как-нибудь с Сарматом понянчится.

Злотников не знал, что и ответить. Зато Амантур несказанно был рад, что может оказать добрую услугу, да еще такую простую.

– Должен ведь я отплатить тебе за спасение сына. Вот и предлагаю девчонку. Ну как, по рукам?!

– А ее ты спрашивал? – процедил Тихон. Не по душе ему были эти варварские порядки.

– А кто ее спрашивать будет? Здесь бабы слушают, что им мужики говорят. Забирай! Сам же потом спасибо скажешь. Девчонка – загляденье. И нетронутая – это я тебе гарантирую!

Тихон вспомнил, что хотел замолвить слово за Амину. А тут вон как вышло.

– Если бы вчера албаста унесла твоего сына, что бы ты сделал с ней?

– Не знаю, не знаю... – ответил Амантур. – Убить не убил бы, хоть и грозился... Мирбеку бы отдал. Он давно просил.

– И не пожалел бы девчонку?

Амантур сдвинул брови и сурово посмотрел на Тихона.

– Почему я должен кого-то жалеть? Да я за сына глотку порву! Почему я должен кого-то жалеть?! – повторяя эти слова, Амантур говорил громко, словно намеревался криком вбить в голову Тихона свои простые, но исключительно важные мысли.

– Это там... – он показал на запад, – люди могут вести себя, как дешевки! У нас, если виноват в чем – ответишь, и мало не покажется. Если кто плохое моим детям сделает, никаких сил не пожалею, найду и убью! А если нет, перестану быть собой! Только тупые и безвольные животные не мстят за своих убитых детей. Овца не мстит за своих детей. Я – не животное! Понимаешь?!

Тихон молчал.

– Я знаю, что ты сейчас думаешь, – не отставал Амантур. – Считаешь, что я дикарь и невежда. А я тебе скажу, что жить надо так, как отцами завещано! Я помню, как в свое время все свихнулись на свободе и всепрощении. Даже преступников готовы были миловать, смертную казнь отменить. И что, помогло это от зла мир избавить? А у нас тут – око за око! Слышал?! И любой тебе об этом скажет. Я и сыновей своих тому научу. Если кто-то будет мешать тебе жить, не позволяй! Нельзя никому спускать!

Амантур перегнулся через сиденье назад и посмотрел на сыновей. Сармат лежал в объятиях Рахат и агукал. Нусуп настороженно смотрел на отца, прижимаясь к матери.

– Вот он это хорошо понимает! Хотя еще щенок.

Амантур дотянулся и потрепал сына по волосам.

– Верно я говорю, Нусуп?

Улыбаясь, он погладил мальчишку по щеке, и вдруг крепко схватил его за ухо, сдвигая так, что тот побледнел. Но не заплакал, не пискнул даже. Тихон ожидал, что Рахат вступится за мальчика, но женщина, видно, привыкла к выходкам мужа.

– Ничего, верю, что из него не слабак, настоящий мужчина выйдет! – Амантур отпустил сына.

Мальчишка смотрел исподлобья то на отца, то на Злотникова. Тихону стало его жаль.

– Спускать нельзя, говоришь? Пусть другой уступает? – произнес он. – А сказку про двух козлят помнишь?

– Каких еще козлят?! – прорычал Амантур.

– Которые на узком мостике уступать друг другу не хотели и оба в пропасть свалились. Такую сказку тебе мама в детстве не рассказывала?

– Ты маму мою не трожь, Тихон!

Брови Амантура слились в одну линию. Возникла зловещая пауза. Казалось, Тихон перешел какую-то черту. Но Амантур внезапно расплылся в улыбке.

– Ну-ка давай, расскажи свою сказочку.

Пришлось рассказать. Амантур расхохотался и хлопнул Тихона по спине.

– А ведь ты молодец, Тихон! Здорово придумал. Но выводы неправильные делаешь. Был бы один козлик сильнее, плевал бы он на второго! Вот почему всегда надо быть первым! Теперь ты понимаешь меня, Нусуп?! – спросил он, обернувшись к сыну.

Снова налетел ветер. Возница не успел среагировать, и лошадь отклонилась в сторону. Страшно закричала подвеска. Амантур качнулся и навалился на Тихона.

– Дор-р-рогу держи, подлец! – крикнул он вознице.

– Думаешь, ты меня своим примером подковырнул? – прохрипел он в ухо Злотникову. – Если по твоим законам жить, все сдохнем! Ты и я – мы мужики, Тихон. Разве ты не дашь отпор обидчику, разве согласишься с тем, чтобы тебя перестали называть мужчиной?!

Внутри Тихона все заклокотало. Он вдруг подумал: что если этот бородатый дикарь прав?

«Перестать быть собой!» Но ведь так и произошло. Тихон потерял близких и жил без жажды мести. С потерей семьи удалось смириться, только кардинально изменив жизнь. Изменив себя. Собственно, и контрабандистом он стал только ради того, чтобы прошлое осталось позади. Это настолько ему удалось, что иногда казалось, будто он вспоминает чью-то чужую жизнь, не свою.

«Неужели я потерял себя? Перестал быть мужчиной?» – как заученные, повторял он слова Амантура.

Но, может быть, где-то есть та грань, за которой не имеет значение, соответствуешь ли ты тому образу «настоящего мужика», как это понимает Амантур и другие люди, которых большинство и в цивилизованном мире. Несмотря на внешнее благополучие, они готовы мстить и ненавидеть так же истово, как этот варвар.

«Но я не желаю мстить! Давно не желаю. Правильно ли это? Не знаю. Не превратился ли я действительно в животное, которое забыло о смерти своих детенышей? Будто что-то умерло в душе, и меня это совершенно не заботит.

Не знаю! Я ничего не знаю! Но разве объяснишь этому ублюдку?!»

«Вернуться, что ли, на запад?» – подумал Тихон. Какой тут Иркутск, какая Полоса – ну их к черту!..

Однако с минутной слабостью удалось совладать, и вскоре он без всякого внимания, фоном, слушал голос Амантура, доносящийся как из преисподней и втолковывавший ему давно известные установки...

7. Предчувствие силы

К полудню два всадника взялись объезжать колонну и раздавать куски вяленого мяса, заранее брошенные в пузатый жбан с водой, чтобы избавить от лишней соли. Тихону еда показалась неприятной, мало похожей на ту бастурму, что подавали в забегаловках Братска, мясо было жестким и подванивало. После трапезы он сильно беспокоился за свой желудок, но постепенно бурчание внутри улеглось и чувство сытости растеклось по телу.

Утолив голод, Тихон почувствовал, что его начинает клонить в сон, и старался держаться. Ему не хотелось вновь погрузиться в странное (и что важно – неприятное!) состояние, чрезвычайно близкое к реальности. Взять хотя бы эти отметины на ладонях. Они выступили на коже прошлой ночью, подобно стигматам, но вскоре исчезли, заставив сомневаться – были они игрой воображения или случились наяву? Преследовал он албасту на самом деле или помутился рассудком? Его успокоил бы любой однозначный ответ. Но в том и дело, что ничего определенного сказать было нельзя. Если бы утром он обнаружил себя лежащим на прежнем месте, укрывшимся мешковиной, – тогда да, это был сон. Однако лежал он на полу, будто свалился с подоконника. Как это произошло? В самом деле он гонялся за демоном, а потом запрыгнул в комнату с улицы? Через два этажа?..

А это ощущение взгляда в спину – оно началось с той стычки на развалинах. Как будто албаста навела порчу или необычную болезнь, обострившую реакции сознания. Это нельзя назвать помутнением рассудка, но получалось что-то вроде того. Вдобавок с каждым часом росло ощущение тревоги. Оно появилось в первый день пребывания Тихона в лагере поселенцев и преследовало неустанно. А теперь час от часа усиливалось. Откуда исходила опасность и что могли означать эти ощущения, Злотников не знал, да и не мог знать. В одном только был уверен точно: что-то должно произойти в ближайшее время.

Он не заметил, как снова уснул.

Сначала ему показалось, что он вовсе не спит, а наоборот, совершенно бодр и не чувствует холода. Тихон поднял взгляд и с удивлением заметил, что он в повозке один. Осмотрелся – других повозок не было ни впереди, ни сзади. А та, в которой он сидел, катится сама по себе – ни лошади, ни возницы. Он зажмурился, а когда открыл глаза, то на краткое мгновение вернулся в реальность и как сквозь пелену увидел лицо Амантура – видимо, лишь для того, чтобы понять, что на самом деле снова погружается в сон.

Стоило на мгновение закрыть и открыть глаза, как вновь перед Тихоном расстилалась пустая дорога. Он поморгал, как и в предыдущий раз, но ничего не изменилось. Он был один. В катившейся без лошади повозке, предоставленной самой себе. Вдруг боковым зрением Тихон уловил движение. Повернулся и заметил бегущего рядом с повозкой пса. Опустив голову, тот семенил, не отставая – сильный, поджарый, на удивление красивый пес. Тихон сразу подумал о том, что прежде не видел у поселенцев собак. Почему так?

– Собаки не могут жить с нами! Их пугает близость Полосы.

Повернувшись на голос, он увидел рядом с собой Амину. Законы сна обрели окончательную силу, и Тихон был уверен, что это и есть самая настоящая реальность.

– Почему не могут? – спросил он.

– Не знаю, – ответила девушка.

Ему приятно было, что она, такая добрая и светлая, рядом с ним. Но что до собаки, то ее появление во сне вызывало тревогу.

– Откуда он? – спросил Тихон, показывая на пса.

– Он пришел за тобой! – ответила девушка.

– За мной?! – переспросил Тихон.

Он снова посмотрел на пса и удивился, что за время короткой беседы с Аминой тот значительно вырос в размерах. Изменился и внешне. Лапы вытянулись, и больше не были похожи на собачьи. Лоснящаяся шерсть отливала мрачными красками неба. Пес равнодушно семенил рядом, но вдруг повернул голову к Тихону. Глаза у него стали как человеческие. Не сводя с Тихона взгляда, пес вдруг громко и резко пролаял:

– Пер-р-р-уач!

На глазах он превратился в демона-албасту и, выставив клыки, – белые и отточенные, словно кинжалы, бросился на Тихона...

Он закричал и проснулся. Громкий хохот Амантура и остальных подействовал на него отрезвляюще.

– Ты чего, уснул что-ли? – потрепал его по плечу Амантур.

– Да, утрясло малость, – смущенно ответил Тихон.

Над ним долго смеялись. Один только Нусуп хранил на лице не по-детски суровое выражение.

Тихон ощупал шею и посмотрел на ладони, проверяя, нет ли крови: клыки приснившейся собаки-демона казались такими реальными. Убедился, что кожа цела и, немного успокоившись, стал разбирать детали последнего сна, навеянного однообразной дорожной тряской. Часто сон бывает продиктован волей подсознания. И надо было понять, что значило появление двух персонажей: Амины и демона в облике собаки. Появление во сне демона, как понимал Тихон, было реакцией на его желание разобраться в том, кто такие албасты – а это можно узнать, только если попасть в Полосу. Туда, откуда приходят эти существа.

Появление же во сне Амины могло иметь только одно объяснение: она вернула Тихону давно утраченное чувство собственной востребованности. И до конца он понял это лишь сейчас...

Он не успел додумать. Заметил, что Амантур обеспокоенно смотрит вперед. С очередным порывом ветер принес запах гари.

– Что там? – спросил Тихон.

Но Амантур не услышал его вопроса.

– Стой! – громко крикнул он и, не дожидаясь, когда колонна остановится, выскочил из повозки.

Тихон увидел, что из-за леса впереди показались разрушенные дома. Видимо, где-то здесь поселенцы скрывали свое добро, и Амантур встревожился не напрасно. Над развалинами курился дым, становясь все гуще, а там, где дорога исчезала за поворотом, появилась маленькая человеческая фигурка. Кто-то бежал навстречу, шатаясь и размахивая руками.

– Эй, Нурали, ты позорче будешь, – обратился Амантур к своему вознице, желтушному родственнику. – Кто это может быть?

– Кажется, это Марат! – откликнулся возница. – Да, Марат! Он у нас один такой криволапый.

С разных сторон послышался смех, но Амантур велел всем заткнуться.

Издали донесся истошный крик:

– Пропало! Все пропало!..

Человеческая фигурка приближалась. Можно было разглядеть черное от копоти лицо бегущего и безумные выпученные глаза.

– Пропало!.. – повторился вопль.

– Что ты там кричишь, Марат?! – грозно спросил кто-то из толпы.

Тихон обернулся и увидел Мирбека. Гигант за время поездки пришел в себя и теперь возвышался во весь рост на своей огромной повозке-грузовике.

– Все пропало!.. – тяжело дыша, человек приблизился к первой повозке и опустился на колени, вцепившись в узду ближайшей лошади, чтобы не повалиться наземь.

Толпа загудела. Мирбек спустился с повозки и направился к Марату. Амантур последовал за ним. На фоне брата он уже не казался таким грозным.

– Этот Марат, кто он? – спросил Тихон у Нусупа.

– Они здесь караулили наши запасы, – ответил мальчишка.

Судя по дыму, караулить уже было нечего. И в подтверждение этому сквозь гул толпы донесся завывающий голос Марата:

– Пожар... Там все горит!.. Все сгорит!.. На нас...

Он не успел договорить, послышался хлесткий удар, затем вопль. Снова удар и еще более жалобный вскрик.

– Лучше бы ты сдох!.. Сам сгорел!.. Шайтан!.. Ты кровью клялся, что ничего не пропадет!

Поднявшись на подножку, Тихон сквозь просветы между головами увидел, что Мирбек в бешенстве избивает сородича. Совершенно не желая разобраться, что к чему. И никто не подал голос в защиту. Все казались ошеломлены, раздавлены чудовищной вестью о гибели того немногого, что они имели. Несчастный не сопротивлялся.

Тихон отыскал взглядом Амантура. Тот с неудовольствием наблюдал за избиением, но ничем не выказал желания остановить брата. Подручные Мирбека улыбались, глядя на бедолагу, который походил больше на измазанную в крови и грязи тряпичную куклу, чем на живого человека.

Оставаться безучастным для Тихона было невыносимо. И все же он не мог заставить себя шагнуть вперед.

«Что мне за дело до этого Марата? – успокаивал он свою совесть. – Каждый сам за себя».

И вдруг заметил, что Амина с ужасом смотрит на него, словно спрашивает: что теперь будет, кто остановит это убийство? Тихон не мог себе представить, что скажет ей потом, когда все кончится.

«Вот если бы Мирбек и его шакалы захотели отнять ее жизнь, ты вступился бы, не раздумывая! Почему? Потому, что она тебе нравится, или потому, что это правильно? Так почему же сейчас даже не шелохнешься? Считаешь, что какой-то там Марат недостоин того, чтобы жертвовать собой?»

С трудом преодолевая сопротивление души, больше походившее на страх, в чем он боялся себе признаться, Тихон двинулся вперед. Но поздно – за секунду до того, как он решился, Амина сама кинулась вперед, расталкивая собравшихся. Протиснувшись к Мирбеку и набросилась на него сзади, колотя по спине острыми кулачками:

– Не смей! Оставь дядю Марата в покое!

Мирбек отпихнул девчонку и, засмеявшись, повернулся к своим нукерам:

– Больно дерется, сучка!

Пока они хохотали, Амина схватила упавшего на спину Марата за руки и (откуда только сила взялась) поволокла его в толпу. Люди расступились. Нусуп неожиданно бросился за ней следом.

По лицам своих приятелей Мирбек понял – что-то не так. Все это время Тихон смотрел на Мирбека неотрывно, и вдруг в глазах его на миг потемнело, затем вспыхнуло, будто лопнул кровавый нарыв.

– А ну стой! – как сквозь вату услышал он рык Мирбека.

И почти сразу зрение восстановилось, и он увидел направленный в сторону Амины и Нусупа ствол автомата, из которого готово было вырваться пламя, такое же жгучее и беспощадное, как и лицо гиганта, от злости и ненависти превратившееся в раскаленную головешку.

Он с шумом выдохнул и увидел, что Мирбек вовсе не собирается ни в кого стрелять. И даже автомата не держал в руках.

Это было видение. Все это ему почудилось!

Но вот Мирбек повернулся к своим головорезам, и один из них, поняв хозяина без слов, начал снимать с плеча оружие.

Все происходило в замедленном темпе, словно специально для того, чтобы Тихон успел оценить и понять ситуацию. И сравнить ее с тем, что привиделось ему только что.

«Сейчас все так и случится!»

Он успел прорваться сквозь толпу, толкнул и сбил Мирбека с ног. Воспользовавшись замешательством подручных гиганта, вырвал у одного автомат и направил на них. Под угрозой оружия шакалы отступили. А когда Мирбек поднялся на ноги, рядом с Тихоном уже стоял Амантур с обрезом в руках.

– Зачем ты это сделал? – шепнул Амантур.

– Он хотел убить Амину и Нусупа! – сказал Тихон.

– Что?! – в один голос произнесли Мирбек и Амантур.

– Он хотел убить твою племянницу и сына! – повторил Тихон.

– Что ты мелешь, гад?! – Мирбек повернулся к брату: – На твоём месте я бы его пристрелил. А мерзавке и твоему гаденышу шкуру тоже попортить надо. Плетками! Я не шучу!

– Я тебя предупреждал, брат. Не трогай Тихона! – произнес Амантур. – И детям не грози! Я с ними сам разберусь!

– Гляди, брат, не ошибись! – ответил Мирбек. Он сплюнул под ноги Амантуру. – Срал я на тебя и на всех вас! У нас там все добро сгорело! – он поднял руку, показывая на дым.

– Вот именно! – сказал Амантур. – Туда надо идти, а не разборки устраивать. По твоей милости мы до сих пор не знаем, что там случилось. Вдруг, еще что-то можно спасти!..

Мирбек зло махнул рукой и задержал взгляд на Тихоне.

– Твое счастье. Живи пока, – процедил он. – Не до тебя!

По указке Мирбека шестерки его расселись по повозкам, сам он сел в одну из них и велел гнать к повороту. Амантур хмуро проводил их взглядом и посмотрел на Тихона.

– Чего ты лезешь, куда не надо?! Хочешь, чтобы я порешил брата?

– Он правда собирался их убить, – сказал Тихон.

Амантур покачал головой, но ничего не ответил. Вслед за Мирбеком он сел в первую попавшуюся повозку, заставив седоков подвинуться. Тихон смотрел на проезжавших мимо людей и замечал, что многие из них с любопытством разглядывают его. Видать, интересно им, к чему приведет ссора с Мирбеком.

– Помогите мне, – позвала Амина.

Она сидела у обочины рядом с раненым Маратом. Девушка велела Тихону с Нусупом положить раненого так, чтобы его голова оказалась у нее на коленях. Краем юбки вытерла лицо несчастного. Тот вздрогнул и что-то промычал. Оба глаза его, заплывшие от ударов, приоткрылись. Марат узнал Амину и попытался улыбнуться.

– Дядя Марат, вы слышите меня?

– На нас... – он слабо выдохнул и снова закрыл глаза. Из угла его рта потекла кровь. Амина вытерла ее. Тихону показалось, девушка плачет, но после своей трусливой нерешительности он боялся встретиться с ней взглядом.

Последняя повозка, в которой не было пассажиров, а только скарб, остановилась, ее возница, спешившись, подошел к ним.

– Это мой племянник. Бедняга... И что я мог поделать? – словно оправдывался он перед Аминой.

– Давай положим его к тебе. Едва ли он скоро очнется, – предложила девушка.

– На мое место, разве что, – сказал возница. – А то у меня там...

Нусуп до этой минуты стоял, не шелохнувшись, но тут вскочил, подбежал к повозке и начал скидывать груз прямо на дорогу, освобождая место для Марата. Остановил его окрик отца:

– Достаточно, Нусуп!

Неизвестно, что уж там горело в душе Амантура, однако он решил вернуться.

– Вы и так наглупили немало! А Марат получил по заслугам. Вы что думали, Мирбек должен его простить? Ну, ладно, ладно! Думаете, мне это самому нравится? Но если вам так хочется, чтобы я остановил Мирбека, то я могу его лишь убить. Но ведь это невозможно! Он мой брат! Вам это ясно? – рявкнул он.

Но его будто не слышали, и Амантур безучастно наблюдал за тем, как заботливо уstraивают на повозке еле живого Марата.

Вдалеке послышались выстрелы.

– Вот-вот. У Мирбека разговор короткий! – проворчал Амантур. – Остальным, кто допустил пожар, тоже не поздоровится! – и он велел своим женам собрать раскиданные вещи и уложить в его повозку.

Выстрелы не прекращались. А это означало, что причиной их была вовсе не расправа над незадачливыми соплеменниками, допустившими гибель имущества. Несколько повозок во весь опор неслись обратно. Сидевшие в них люди отчаянно размахивали руками.

– Что происходит?! – крикнул Амантур.

– Там перестрелка! – из повозки высунулись испуганные рожи.

– Сейчас разберемся! Присмотри за моими! – крикнул Амантур Тихону. – А вы давайте назад!

Он похож стал на своего брата. Вытаскивая сопротивляющихся мужиков из повозок, кому-то отвесил пинка, другого двинул прикладом. Наконец, собрал всех, кто был с оружием, и вместе они двинулись на звуки выстрелов. Остались только женщины с детьми, несколько хлипковатых мужиков явно не воинственного вида и старики.

– Давайте-ка уберемся с дороги! – предложил Тихон.

Родственник Марата, схватившись за поводья, потянул лошадь к ложбинке, где размытая паводками и дождями насыпь плавно уходила вниз. Был риск, что там болотистая почва и колеса увязнут, но плотные стебли трав не давали проваливаться. Следом Нусуп спустил колымагу Амантура. А за ней по насыпи скатились и остальные повозки.

Тихон подошел к Амине. Девушка наблюдала за Маратом, прислушивалась к его дыханию – тот тяжело хрипел.

– Как он? – осторожно спросил Тихон.

– Очень плохо. Зачем они так с ним? – сквозь слезы спросила девушка. Что ей ответить, Тихон не знал. Была в случившемся и его вина. Он спасовал перед безумной силой Мирбека. А вот Амина кинулась на помощь Марату, не испугалась за себя. Маленькая, а не испугалась. И ничем не объяснишь ей свою нерешительность.

Подойдя к насыпи, он осторожно высунулся над дорогой. Трудно было понять, что происходит там, на развалинах. Но что-то неладное: тревога опять поднялась в душе. Сняв с плеча вещмешок, Тихон вытащил бинокль. Приложил окуляры к глазам. Высокие стебли полыни мешали что-либо разглядеть в том направлении, куда отправился Амантур с людьми. Какие-то движения, не более того. Он спрятал бинокль обратно. И вдруг в глазах вспыхнуло красным. Точно так же, как и несколько минут назад, когда перед ним возникло видение Мирбека, желающего убить Амину.

Под самым сердцем что-то резануло и откликнулось болью во всех частях тела. В глазах поплыло. Придорожная земля, высохшая трава, серое небо – все, что Тихон видел только что, расплылось перед глазами. Затем размытое изображение сфокусировалось как будто на экране проектора. Не сразу он понял, что каким-то невероятным способом видит самого себя – только со стороны. И, что странно, рядом Нусуп, которому он дает указания. Вдвоем они стоят возле какого-то дома с разбитыми окнами.

«Когда я дам тебе знак, кинешь камень!..» – как из репродуктора, он услышал неприятно резанувший собственный голос.

И тотчас Тихон увидел камень в своей руке – это о нем он говорил сейчас Нусупу? Но что это был за камень, зачем он нужен?..

Снова потемнело и вспыхнуло в глазах. Тихон увидел, что лежит на животе у дороги, щекой ощущая колючесть травы. Он несколько раз открыл-закрыл глаза, убеждаясь, что асфальт перед ним и земля настоящие.

«Что это было?!..»

Он посмотрел на дымящиеся развалины и понял, что должен быть там – куда отправились поселенцы во главе с Амантуром. И раньше привыкший полагаться на свои ощущения, сейчас он воспринимал их особенно остро. Амантуру определенно грозит опасность. Но в чем она заключена – загадка. Возможно, причина – Мирбек. Кто его знает, этого шизоида. Если кто из братьев и годится на роль Каина, то Мирбек в первую очередь. Запросто может уколошить Амантура под шумок. Тот хоть и не перл творения, но все же не достоин такой участи.

«Если за Марата не вступился, так хоть сейчас надо сделать что-то!»

С этого момента отсиживаться казалось не только позорным, но и нечестным. Тихон скатился вниз.

– Ждите здесь! – велел он Амине и побежал вдоль насыпи в ту сторону, откуда поднимался дым.

Он заметил, что впереди шоссе проходило над мостиком в виде трех соединенных в ряд бетонных труб, достаточно широких, чтобы в любую из них пролез человек. По трубе можно перебраться на другую сторону, а там недалеко и до развалин. Остановившись перед ближним отверстием, из которого лилась вода, Тихон услышал за спиной шаги. Это оказался Нусуп.

– Я с тобой!

Тихон не стал противиться. Хоть и сложный тип этот мальчишка, но сейчас он нравился ему больше, чем вчера. Особенно после того, как единственный помог Амине.

«А ведь он был там со мной!.. – Тихон вспомнил наваждение. – Мог ли я заглянуть в будущее?»

После этой мысли холодок пробежал в груди. А ведь это неприятно – осознавать, что происходит нечто необъяснимое.

– Придется ноги промочить, – сказал он мальчишке.

Нусуп бросил на него решительный взгляд и, нагнувшись, первым нырнул в трубу. От его шагов хлюпающее эхо громко резонировало о стены.

– Эй, не так быстро! – крикнул Тихон и двинулся вслед.

Оказавшись у противоположного отверстия, они осмотрелись. Первые разрушенные дома были хорошо видны отсюда. Вдали послышались выстрелы. Чтобы дольше оставаться незамеченными, они направились не прямо к развалинам, а сделали крюк от дороги через подлесок, прячась за невысокими деревьями. Это оказалось несложно. Труднее было заставить себя пересечь хорошо просматриваемый пустырь, отделявший подлесок от развалин.

Все-таки он по-настоящему сгруппировался. Мало того, что, не имея оружия, изображает из себя крутого парня, так еще и мальчишку прихватил. Попробуй теперь отправь пацана обратно.

– Чего мы ждем? – спросил Нусуп.

– Ладно, двинулись! – и, прижимаясь к земле, Тихон пополз к развалинам.

Оказавшись у старого деревянного забора, они залегли в пожухлую, но все еще густую высокую траву. Шальная пуля визгнула где-то рядом. Выждав немного, Тихон схватился за край доски забора и потянул на себя. Полусгнившая, она отошла почти без скрипа. Он прополз в дыру, осмотрелся и помог Нусупу. Вскоре они оказались возле дома, откуда видно было место боя. По счастью, очутились на той же стороне, где засели Амантур с сородичами. Видны были спины поселенцев, небольшими группками рассредоточившихся по развалинам.

– Вот дурачье! – выругался Тихон.

– Что там? – спросил мальчишка.

– Так глупо подставляться. По-моему, если ты воюешь, так делай это по правилам.

– Думаешь, их кто-то может обойти сзади? – сообразил Нусуп.

– Если нам удалось, то как считаешь?

Заметив движение справа, он легонько толкнул мальчишку и кивком показал, куда нужно смотреть. Словно угадывая их предположение, на другом углу перекрестка появились три фигуры. У одного короткоствольный автомат, у двух других огнеметы (теперь понятно, откуда дым), и по связке гранат на ремнях у каждого. Судя по тому, как одеты были эти люди, к числу военных они явно не принадлежали. Может, партизаны. Или мародеры, каких полно. Вроде Мирбека, только более организованные.

– Выходит, мы здесь не напрасно, – прошептал Тихон.

Он задумался. Чем бы привлечь внимание Амантура и остальных?

Под ногами увидел небольшой булыжник. И сразу обожгло воспоминание. Теперь он знал, какие слова должен произнести. Это было похоже на приступ дежавю, очень яркий приступ.

– Что с тобой? – прошептал Нусуп. – Все в порядке, – Тихон облизнул пересохшие губы и сунул булыжник мальчишке. – *Когда я дам тебе знак, бросишь камень...* – он замолчал на мгновение, обдумывая следующие слова. Спасая отца, не хватало еще подставить сына. – Бросишь им за спину. Вон в те кусты! И не вздумай подниматься. Кидай прямо так, сидя! И сразу пригнись, чтобы тебя вообще видно не было. Понял?

– Да! – принимая камень, прошептал мальчишка.

Тихон пополз вперед. Добравшись до конца стены дома, махнул Нусупу рукой. С замиранием сердца смотрел, как мальчишка делает замах. Как закидывает руку назад, чтобы запустить камень как можно выше и дальше.

Только бы не привстал!..

Но пацан все исполнил в точности. Швырнул камень достаточно далеко и ничем не выдал себя. Булыжник взлетел над улицей, промелькнул над головами ничего не подозревающих мародеров и шмякнулся в разлапистый кустарник. Затрещали ветви. Троица дружно повернулась на шум.

Теперь настал черед Тихона. Он в несколько прыжков очутился у соседнего дома. Автоматная очередь застрекотала в самом конце опасного пути. Посыпались кирпичные брызги, но Тихон успел вбежать внутрь и оказался вне досягаемости.

Заслышав выстрелы, поселенцы развернулись и ответили нападавшим встречным огнем. Лежа на сгнившем полу, Тихон ощущал предательскую слабость в конечностях. Что ж, свое дело он сделал. Теперь лишь бы пацан не пострадал...

Но все закончилось быстро. С вмешательством Тихона преимущество оказалось на стороне поселенцев, и бой прекратился через несколько минут. Отряд нападавших оказался группой малочисленной, и они не смогли дать отпор. Вскоре после их пленения кто-то из поселенцев обнаружил спрятавшихся в развалинах женщин, старых и помоложе, вероятно, жен и подруг нападавших, а также двух мальчишек возраста Нусупа. В стычке поселенцы лишились многих людей, к тому же случившийся при нападении пожар уничтожил значительную часть припасенной шерсти и мяса, так что жалости к пленным никто не испытывал. Но Злотников не ожидал, что расправа будет такой жестокой: Мирбек приказал для начала вспороть пленникам животы и только после того, как достаточно помучаются, отрубить головы.

Амантур вполне мог воспротивиться этому решению, но им тоже овладела жажда мести. Лишь Амина, Тихон и еще несколько человек попытались образумить братьев, но их протесты не были услышаны: толпа жаждала крови. К тому же Мирбек приказал удерживать силой любого, кто посмеет уйти и не смотреть на казнь. И снова Амантур не захотел воспротивиться

брату. Тщетно Тихон увещевал Амантура не брать грех на душу: космачом овладела такая же безудержная ненависть, как и его братом.

Чуть позже среди главарей, удовлетворившихся мстью, снова начались распри. Амантур призывал заночевать здесь, и только завтра, как следует набравшись сил, двинуться к своему поселку. Мирбек же с подручными намерен был отделиться от отряда под предлогом разведки. Как его ни уговаривали, он ушел, забрав с собой значительную часть мужчин и женщин. Даже избитого Марата увел с собой. Забрал и всех свободных лошадей.

Оставшиеся после ухода Мирбека поселенцы во главе с Амантуром заняли более-менее уцелевшие дома. В очагах развели огонь. И по мере того, как прогревались кирпичи, становилось тепло людям, тесно облепившим печи.

Тепло было и Тихону. От усталости и душевных мук у него случился жар, и на этом фоне ощущался прилив необычной энергии – при том, что он не мог заставить себя пошевелиться.

Казалось, одолевшая его неведомая сила может дать ответ на вопрос, каким образом он увидел, что Мирбек собирается выстрелить в Амину, а позже распознал опасность, грозившую поселенцам. Казалось, еще немного, и он поймет, что означали те полуреальные сны, которые он видел после стычки с демоном. Может быть, имей он эту силу в тот момент, когда казнили пленников, он смог бы дать отпор Мирбеку, спасти несчастных и позволить им уйти на все четыре стороны и остановить поселенцев от бессмысленной жестокости. Но не хватало какой-то сущей малости, чтобы получить все нужные ответы, суметь навсегда удержать в себе эту энергию и обрести возможность не только властвовать над своим телом, но одновременно – над временем и пространством...

Душераздирающие крики казнимых все еще звучали в ушах. Тихона радовали только мысли об Амине, лишь они отчасти заглушали душевные терзания. Тихон и рад был бы бежать от поселенцев, но ведь тогда он не сумеет спасти девушку, вырвать ее из рук дикарей. К тому же, в его добровольно-принудительном положении, как он окончательно убедился, акцент был сделан на принуждение и, дай он повод, приставленные Амантуром соглядатаи запросто расправятся с ним. И потому оставалось только ждать.

Тихон не спал. Под вой ветра ему вновь мерещились голоса. Как и в день ночевки в Зиме. И невозможно было понять: эти голоса рождены воображением или реально зовут его к себе неведомо куда. Но впервые он не ждал от голосов ничего злого. Ему вдруг стало хорошо и спокойно. Вместе с уходящим жаром постепенно исчезли все необычные ощущения, и Тихон вернулся к своему привычному состоянию. Но желание вновь испытать их и победить, наконец, страх, завладело его сердцем.

8. Белая стихия

Открыв глаза, Тихон удивился полноте сил и бодрости. Боясь растерять это состояние, он лежал некоторое время недвижно, глядя в выщербленный потолок.

Что же случилось вчера, когда он впал в забытие? Это было странное ощущение принадлежности к тайне, к особенному и потаенному знанию, когда можно угадать прошлое и будущее, когда твои силы близки к тому, чтобы стать безграничными. И все это можно было выразить двумя словами: предчувствие чуда...

Но Тихон воспитывался в мире, где отвергалось существование всего, что находилось за пределами рационального. Легче было прослыть шарлатаном, чем убедить кого-нибудь в чуде. Даже если существуют люди с невероятными способностями, им лучше помалкивать, дабы не вводить в искушение окружающих. И вот он сам стал феноменальным и поразительным явлением! Два раза сумел угадать будущее.

Проснувшись сегодня, он ощутил иначе окружающий мир и себя самого. Хандра, которой Тихон был подвержен в последние дни, отступила. Интуиция обрела второе дыхание. Недалекое будущее буквально кричало Тихону, что вскоре следует ждать непростых событий. И эти события – лишь малая часть того, что предстоит ему изведать...

* * *

Послышался негромкий треск. Вначале Тихон принял его за шелканье горящих в очаге дров. Однако за дверцей печи не гудел огонь. Треск повторился вновь и был отчетливо слышен с улицы.

Тихон вылез из-под мешковины. Лежавший напротив Нурали, родственник Амантура, тот желтушный тип, знакомый по развалинам в Зиме, и, без сомнения, один из соглядатаев, среагировал на его движения, тоже приподнявшись.

– Снег идет! – сказал Нурали.

Треск повторился. Тихон, встав на ноги и глянув за окно, удивленно раскрыл рот, зачарованный ослепительной белизной. Там, снаружи, валил огромными хлопьями тяжелый мокрый снег. Видимость терялась метров через двадцать. Где-то там, за белой занавесью, невидимое Тихону дерево не выдержало, и по округе разнесся звук, похожий на отдаленный выстрел.

– Что там? – зашевелился возле печи Нусуп. Он протер глаза и широко зевнул.

– Снег, – ответил Тихон и направился к окну. Одной рукой собрал снег, попавший на подоконник, скатал небольшой кругляш. От тепла руки снежок начал таять и капли падали в подставленную ладонь.

Вновь послышался треск, затем еще один, и в паузе Тихон услышал сзади негромкий голос:

– ...по снегу след хорошо видно, далеко не уйде... – но ни начала, ни продолжения фразы, сказанной желтушным Нусупу, Тихон не уловил. Не обязательно, что они говорили о нем. Возможно, подразумевали сегодняшний переход.

Тихон сдвинул снежок, и он брызнул подтаявшими комками.

Заслышав возню, Тихон обернулся и заметил, что Нурали, запахнув теплый ватник, собрался на выход. С ним убралась и двое других, что занимали эту комнату. Остался только Нусуп. Возможно, в качестве замены соглядатаю.

«Не бойся, бежать не собираюсь, – про себя сказал Тихон. – По крайней мере, пока...»

Он подошел к печи. Та почти совсем остыла, и только кирпичи над плитой хранили тепло. Впрочем, странным образом Злотников не ощущал холода. Он вспомнил, что и ночью не особенно кутался в мешковину, хотя сегодня определенно холоднее, чем вчера.

В комнату вошла Амина.

– Ты видел, какая красота? – спросила она.

– От этой красоты одни проблемы, – сказал Тихон. – По снегу идти нелегко будет.

Амина приблизилась и дотронулась до его влажных ладоней. Руки ее казались необычайно теплыми, почти горячими. Ни слова, ни жеста не требовалось, чтобы понять: если она пытается скрыть свои чувства, у нее ничего не выходит.

Тихон заглянул в ее глаза, и ему вдруг захотелось рассказать Амине о своих видениях, снах и предчувствиях. Пусть даже посчитает его сумасшедшим. Но, к сожалению, сейчас не время и не место для признаний...

– Кхм! – кашлянул сбоку Нусуп. Может, и не нарочно.

Девушка смутилась, отпустила руки Тихона и, ничего не сказав, вышла из комнаты. Тихон пристально посмотрел на Нусупа. Мальчишка тоже не сводил с него взгляда. Злотников не знал, стоит ли объясняться с ним или оставить все, как есть. Впрочем, что объяснять? Подозрения, что Нусуп шпионит за ним? Внезапно родившиеся чувства к Амине? Ему самому нужно разобраться в своих мыслях. А Нусуп... Пусть думает, что хочет.

Услышав скрип снега за окном, Тихон вернулся к подоконнику, перегнулся через него и увидел Амантура, а с ним желтушного Нурали. Оба встали на углу дома, всматриваясь в просеку, где находилась засыпанная снегом дорога.

– Все-таки надо было вчера с Мирбеком идти! Счас бы, глядишь, почти у самого дома были, – сказал желтушный.

– Отчего ж не пошел?! – заворчал Амантур.

– Если б ты пошел, то и я пошел бы. Не-е-е, я с тобой... Че я, дурак, с твоим психованным братцем идти?

– Тогда не ной!

Тихон не успел нырнуть обратно. Амантур заметил его.

– Видал, что творится? Навалило добра! – улыбался он как ни в чем ни бывало.

– Вот и я говорю, – снова занудил желтушный Нурали, – вчера надо было идти. Теперь придется ждать, пока снег не пройдет.

– Да что ты заладил: надо, надо...

– У меня лошадь жеребая. По такому снегу тяжело ей придется! И переменить не могу. Мирбек всех сменных лошадей забрал.

– Может, тебе еще дорогу расчистить? Ладно, пойдешь последним! – сказал Амантур. – Собираться будем. Пойду, скажу остальным.

Оставшись один, желтушный криво посмотрел на Злотникова.

– Нусуп! – заглянул он через плечо Тихона.

– Чо? – откликнулся мальчишка.

– Колбаса через плечо! – крикнул Нурали. – Собираться пора! Собираться пора, – повторил он, обращаясь к Тихону, снова недобро сверкнув глазом. Махнул рукой и отправился вслед за Амантуром, норовя ступать в оставленные им следы.

Проводив его взглядом, Тихон представил, как ему самому придется вспахивать ногами глубокий снег. Он выставил руку, чувствуя щекочущие прикосновения тающих снежинок. Все-таки не так уж холодно. Вот только снег слишком глубокий для его ботинок. Да, это вам, господин Злотников, не палуба «Берты»!

– Тяжело придется, – повторил он вслух слова желтушного и повернулся к Нусупу: – Что-то сегодня ты неразговорчив!

Нусуп подышал на озябшие ладони, потер их, затем поднялся, туго запахнул полы своей куртки, столь же туго обвязался ремнем.

– Замерз? – спросил Тихон.

Мальчишка прервал, наконец, молчание.

– Не твое дело. Пошли.

* * *

Сильно поредевшей со вчерашнего дня колонной поселенцы медленно двигались по заснеженной дороге. Снег валил, не переставая. Сама дорога угадывалась по извилистой насыпи, которой следовало держаться. Там, где насыпь исчезала, редкие дорожные столбики, не подмытые водой и не упавшие под собственной тяжестью, указывали верное направление. Лошади тащились с неохотой и быстро уставали, особенно передние, которые протапывали путь для остальной колонны, и на то, чтобы сменить лидера, тоже тратилось время. Чтобы лошади меньше уставали, в повозках разрешили ехать лишь старикам и детям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.